

Злата Мур
БЕГЛЯНКА

Злата Тур Беглянка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69785803

0101

Аннотация

– Убери свои лапы, урод! Иначе я закричу! – зашипела я.

– Гланды зря не надрывай! Дома никого нет. Даром я тебя кормлю, что ли?!

Я попятилась и, наткнувшись на стену спиной, поняла, что этот ублюдок сейчас меня просто подомнет, и ему плевать на то, что я биологическая дочь его гражданской жены, на то, что я девственница. А потом будет братъ, когда захочет, ведь мне уйти некуда. Разве что..

Глядя с ненавистью в масляные глазки отчима, я дотянулась рукой до стеклянной вазы, стоявшей на полке...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	40
Глава 6	55
Глава 7	61
Глава 8	72
Глава 9	80
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Беглянка

Автор: Злата Тур

Глава 1

– Пожалуйста, возьмите меня! Я все умею делать! – окликнула меня серая бесформенная масса, скорбно подпирравшая угол у входа в офис.

Этого мне еще не хватало! Если уж некого было выбрать из отобранных кандидатов, то отбракованные экземпляры – точно нет! Однако серая тень не разделяла мою точку зрения и метнулась ко мне, в последний момент удержавшись, чтоб судорожно не схватиться за мой рукав.

– Пожалуйста! Меня не взяли только потому, что нет опыта работы в семьях. Меня просто прогнали, а я все умею, – голос чучела дрогнул, и оно шмыгнуло носом.

– Прежде всего, вы не умеете слышать, что вам говорят. И этого достаточно, чтоб вас не взяли.

Холодное раздражение, как наждачкой, корябнуло душу. Терпеть не могу попрошаек и всякий приставучий сброд. Вместо того, чтоб работать и жить достойно, выклянчивают копейки и тут же их пропивают. Хотя этой еще рано. Или этому?

– А вы не умеете видеть, что человек в беде, и поэтому,

кроме собаки, вас никто не любит! Вы же должны помогать ближнему?! – в отчаянии выкрикнуло оно. Кто б прислушивался к мнению замарашки, но ее слова, точно острый стилет, воткнулись в самое больное. Настолько больное, что я сам себе запрещал об этом думать. Печальный опыт сделал доброе дело – у меня иммунитет к любви, но иногда ... А впрочем вот это «иногда» я всегда безжалостно давлю.

– Послушайте, барышня или юноша, я перечисляю в благотворительные фонды немалые суммы, так что тем, кто в беде, достаточно помогаю. А вам совет, бесплатный, – не считайте, что вам кто-то должен, и не придется унижаться.

Я поморщился от собственной глупости. Ну какого черта я оправдываюсь?

Такое ощущение, что мой собственный чердак переехал в подвал. Я решительно направился к выходу, открыл дверь, пропуская Герца, и завис. Обычно доберман не позволяет мне выходить первому – или так показывает, что он главный, или же считает, что поступает, как настоящий телохранитель, готовый грудью защитить хозяина.

Я оглянулся. В общую концепцию бреда сегодняшнего дня все вписывается – мой бойцовский пес, как сентиментальная моська, с воодушевлением облизывал лицо бродяжки, бессильно опустившейся на корточки возле стены.

– Герц, фу!

– Я не фу, я девушка! – всхлипывая, отозвалось существо.

– В каком месте девушка? – без задней мысли оскорбить,

выронил я. Просто по внешнему виду не скажешь. Замызганные широкие джинсы, бесформенная толстовка с капюшоном на голове. Понятно, если она в таком виде заперлась в кабинет, где отбирают домработниц в приличные дома, то ее и слушать не стали.

– Во всех, – кажется, девчонка препиралась со мной из последних сил, и потому в ее голосе прозвучали нотки абсолютного несчастья.

Барсов, ау! Ты чего застрял? Подгоняю я себя.

– Герц, идем.

Однако псина, грозная на вид, с видом совершенного теленка продолжала утешать несчастную замарашку.

Я и так в последнее время чувствую себя Винни Пухом с опилками в голове, а тут еще этот предатель совсем сбил с толку. Говорит тренер – практикуй дыхательную гимнастику, здорово помогает в стрессовой ситуации. Похоже, нужно прислушаться. Сейчас бы очень пригодилось, потому что мелочи, которые сами по себе безболезненны, собравшись в кучу, способны довести до белого каления.

– Ну, пожалуйста! Ну, будьте вы человеком!

– А я кто, по-твоему, конь Ильи Муромца?! Герц, идем, – скомандовал я, но чтобы второй раз не выглядеть идиотом, которого не слушается собственный пес, не двинулся с места, ожидая, пока этот паршивец вспомнит, кто его кормит. Однако он, видать, нахватался умных мыслей и сейчас в наглую демонстрирует принцип – не хлебом единым жив ...

Он сидел, как преданная дворняжка, рядом с девчонкой и совсем уж плебейским образом выказывал свое расположение – отчаянно мел обрубком хвоста ламинат.

Усталость неожиданно дала о себе знать. Прострелило виски болью, и накрыла новая волна раздражения. Могучий и непотопляемый Барсов начал терять свою привычную невозмутимость. Жизнь как-то резко стала закручивать гайки, превращая вальяжного преуспевающего бизнесмена в злобную овчарку, которой придется грызть горло врагам, чтоб защитить себя и семью.

А пока мне срочно нужно пристроить Герца, потому что предстоят переговоры с новыми людьми, частые перелеты, пока не разрулю ситуацию. Может и правда, то, что нужно, просто валяется под ногами? И стоит научиться доверять Вселенной? Взять то, что она предлагает?!

Хотя оно такое себе. Дезинфекцию придется проводить.

– Ты с собаками работала?

– Я с ними жила! – чучело фыркает, и я понимаю, что зря наехал на девчонку. И один тот факт, что Герц отверг дипломированных нянь, а эту замухрышку не просто признал, а еще и облизал, говорит о многом. Хотя черт его знает..

– Ты откуда и почему оказалась за дверью? – переступаю свой принцип – никаких непроверенных людей в своем окружении и решаю дать шанс этой замарашке. И себе.

– Я из Тамбовской области. Сирота. Бабушка умерла, и я решила уехать в Москву. Честное слово! Я хозяйственная –

убирать, готовить – я все могу.

Девчонка осмелилась поднять глаза, и я почувствовал, что хваленая невосприимчивость к манипуляторам разом рассыпалась, как песочный домик. Я отношу к манипуляторам всех, кто пытается надавить на жалость, совесть и какие – еще нежные органы. В голубых, на пол-лица глазищах плескалась отчаянная мольба.

– Пожалуйста! Я вам пригожусь! – она машинально сложила ладошки в молитвенном жесте.

Подстава очередная?! Так, кроме Олега, моего безопасника, никто не знал, что я собираюсь в это агентство. В конце концов, чем я рискую? В загородном доме секретную информацию не храню, денег тоже. Картины застрахованы. Ограбить? Да ну! Сидела б она под дверью...

– Как тебя зовут?

– Варвара. Можно Варя.

– Арсений. Можно только Арсений.

– Просто Арсений?!

– Не просто Арсений. Барсов. Арсений Вячеславович. Но я не хочу состариться, пока ты будешь выговаривать мое имя – отчество.

Похоже, замарашку я осчастливил. Во всяком случае, на ее лице, только что туманившемся обреченностью, засияла просто детская радость. Словно порыв ветра вдруг разогнал мрачные низкие тучи, и сквозь этот разрыв засияло яркое солнышко.

Что значит кусочек счастья! Девчонка моментально преобразилась, скорбно поджатые губы разгладились и стали весьма привлекательно пухлыми. Даже соблазнительными, совсем не кстати подумалось. Да и вообще, она оказалась симпатичной. Правда, совершенной соплюшкой.

– Тебе сколько лет? – спросил я подозрительно.

– Девятнадцать, – едва не захлебываясь от радости, выпалила замарашка.

– Паспорт покажи! – мой язык уже опережал мозг, озвучивая требования, будто я уже принял окончательное решение.

Девчонка с готовностью подала паспорт, с надеждой заглядывая мне в глаза. Нет, ну это невозможно! В кого я превращаюсь?! Если Ланка просечет эту фишку – что меня можно продавить на жалость, мне крышка. Причем гроба. Начнется бесконечное: «Сенечка, я просто умираю от чувства ненужности и одиночества. Может, ты меня не любишь?! Ты меня совсем забыл...» А «вспомнить» должен буду тряпкой или цацкой тысяч на двести.

Мне не жалко. Но сейчас Сумской такую петлю у меня на шее затянул, что каждые двести тысяч на счету.

– Ты же понимаешь, что я нанимаю тебя с постоянным проживанием и выходным плавающим, когда я приеду?

Девчонка снова радостно затрясла головой, будто я ей титул баронессы с пожизненной рентой предложил. Она, словно утопающий, цепляющийся за соломинку, с такой на-

деждой заглядывала мне в глаза, всем своим видом показывая, что решается вопрос жизни и смерти.

Я сфотографировал данные и переслал Олегу. Пусть пробьет по всем базам. Хотя кое-что могу и сам проверить.

– А ну покажи руки!

Моя замарашка послушно подняла руки вверх в жесте «Сдаюсь!»

Я чуть не застонал. Нервы и так на пределе, а она мне тут или дурочку включает, или на самом деле дурочка.

Не думая, что меня могут привлечь за домогательства, я схватил ее за руки и по очереди задрал длинные рукава свитера на обеих – наркоманок мне точно не надо. Вены чистые, но запястье левой руки опоясывал уродливый шрам.

– Ты точно ниоткуда не сбежала? – подозрительно покопился я него.

В глазах, похожих на два голубых омута, заплескался испуг, граничащий с животным страхом. Мне показалось, я попал в точку. Она беглянка. Только знать бы откуда. Хотя знать не нужно. Мне ни к чему лишние проблемы.

И только я ей хотел сказать, что больше не имею возможности тратить на нее свое время, как раздался звонок.

– Арсений, я готов рассмотреть твое предложение. Прилетай завтра!

Один из старых партнеров отца, обращение к которому я приберегал на крайний случай, давно отошел от дел. Но располагал нужными средствами и связями, чтобы мне по-

мочь. Он жил в свое удовольствие в Сочи, и поэтому у меня не осталось выбора.

Даже если эта замарашка пытается спрятаться от закона или криминальной группировки, на неделю я ей дам приют. Иначе Герц разнесет квартиру, сожрет Ланку и сложит ее косточки у порога.

– Я так понимаю, что ты прямиком из Тамбовской области пожаловала?

Девчонка поспешно кивнула.

– И работа с жильем нужна прямо сейчас?

Еще один умоляющий кивок.

– Ладно. На неделю я твой вопрос решу. Потом разберемся. Где твои вещи?

– У меня все здесь! – бродяжка подняла вверх небольшой рюкзачок. Опять что-то похожее на жалость остро кольнуло в сердце. Такая неприкаянная, как выброшенный на помойку котенок. Хлебнул горя, но отчаянно видит в каждом, кто приходит выбросить мусор, спасителя и хозяина.

– Пошли уже! – Я осуждающе глянул на Герца, и тот виновато улегся на пол и прикрыл лапами нос в знак глубочайшего раскаяния. Не знаю, что на него нашло, когда он категорично отказался уходить без девчонки. Очевидно, есть люди, которые источают флюиды, заставляющие животных их принимать. И тут же принялся. Не хотелось, чтоб от няньки Герца несло еще какими-то флюидами, типа мусорки. Судя по виду, она вообще где-то скиталась, но, Слава Бо-

гу, ничем не пахла.

– Вы обое, садитесь в машину, – скомандовал я, усилием воли прогоняя из видения образ котенка- сироты. Что с ней делать, когда вернусь?! Явно ж неблагополучная! А мне зачем чужие проблемы?!

Но какая-то чуйка нагло ввинчивала в мозг мысль, что эту замарашку придется оставить на неопределенный срок. В подтверждение Герц отказался от своего коронного места – рядом со мной, и прыгнул, как паинька, на заднее сидение, примостив свой зад возле девчонки. Загадка?! Да тут у людей заскоки бывают, а животные – девяносто процентов на инстинктах, точно не поймешь, что у них в башке.

– Что по физкультуре у тебя было? – не оборачиваясь, пытаюсь выяснить, сколько «шерсти» можно с нее состричь, как с паршивой овцы.

– Я ка..., – девчонка осеклась, будто чуть не выдала какую-то позорную тайну.

– Что ка...? Ка-а-а-асячила ?

– Нет, каждое занятие выполняла все, что нужно. Добро-совестно.

– Отлично! Тогда будешь Герца гонять, чтоб не разжирел.

– А Герц – это что, сокращенное Герцен? – моя бродяжка расслабилась, понимая, что в ближайшее время ее не выгонят.

– Герцен? Ты откуда такие фамилии-то знаешь? – хмыкнул помимо воли. Смешная! Я представил себе в паспорте

собаки «Герцен Александр Иванович, порода – литературный деятель».

– Я в школе училась, – буркнула девчонка.

– Он у меня Герцог Фрай Оксфорд. Попросту Герц, и его светлость на это не обижается. Кстати, он настоящий аристократ, по утрам любит есть овсянку с ливером и собачьими витаминами. Будешь варить. Мне его когда подарили, такой заносчивый говнюк был. Я думал, придется ему «Таймс» покупать и тапочки приносить...

Услышав в свой адрес ругательное слово, Герц возмущенно гавкнул и вернул меня в реальность. Когда речь шла о моем питомце, меня иногда заносило. Я, как настоящая «яжмать», готов был рассказывать о всех его проделках и привычках с таким воодушевлением, будто это и впрямь мой собственный отпрыск. Вот и сейчас начал чуть ли не слюни ронять, забыв, что передо мной не партнер и не приятель, а всего лишь сопливая девчонка, которую выбрала прихотливая собачья морда.

– В общем, будешь ходить с ним на площадку, тренировать. Все команды он знает, а ты считаешь в интернете. Площадка в поселке, недалеко. Выйдешь из ворот налево, не заблудитесь. Да и Герц знает дорогу. Я тебе дам телефоны, на случай форс-мажора. Мой и начальника охраны. Но это просто, чтоб было. Поселок охраняемый, так что не бойся.

– Я же с Герцем, он меня в обиду не даст. Ведь так, красавчик?! – и девчонка бесстрашно чмокнула прямо в мок-

рый нос «красавчика».

– Ты в своем уме?! Пес может принять это за акт агрессии и не глядя откусить тебе голову! – Я чуть не задохнулся от возмущения. – А мне потом отвечай!

– Зря вы так! Собаки очень умные. А доберманы вообще интеллектуалы. И они прекрасно разбираются в людях, не то, что сами люди, – на удивление спокойно ответила девчонка.

И словно в подтверждение ее слов, Герц снова размашисто облизал ее лицо. Она хихикнула и как-то по-детски обняла моего зверюгу за шею.

Глава 2

Ну вот я и нашел объяснение поступку Герца. Он, как и все доберманы, необычная собака. Он спит, едет со мной в машине, гарцует вокруг дома. Но! Он считает, что спит у себя дома, едет на своем сиденье, резвится на своей лужайке и воспринимает все как личное, собственное и находящееся в сфере непосредственно его ответственности. Он должен быть в курсе всех происходящих в доме событий, а я, по его мнению, только лишь обеспечиваю его всем необходимым. И у меня нет ни капли сомнения, что это так. Именно поэтому он не признает Ланку – ему не нужна конкуренция за мое внимание.

И сейчас он просто решил завести себе ребенка, которого можно опекать и защищать. Он и принял эту девчонку за ребенка, когда она шмыгнула носом. Почувствовал, что в ней нет ни капли страха и есть искренняя любовь к животным. Тоже мне, психолог ушастый...

Он, действительно, любит детей, любит чувствовать ответственность, быть главным. Малышню Димки он просто обожает и неизвестно каким чутьем угадывает, что мы едем к ним. Очевидно, видит коробки с подарками и делает выводы. И тогда складывает свои новые мячики перед порогом, показывая, что их нужно взять – воспитанный пес не хочет приехать в гости без подарков.

Димка – мой друг детства. Школа, универ. Потом дороги разошлись, он так и работает программистом, а я ушел в бизнес. Видимся нечасто, но душевно. Хотя как душевно... Как ложка дегтя в бочке меда – Ланка. Она открыто не говорит, что общение с нищелюдами не доставляет ей удовольствия, но я это чувствую. Она свысока поглядывает на жену Димки, Марину, располневшую после родов, помешанную на семье и доме. Понятное дело, что они как с разных планет и их никак нельзя сравнивать. Но я себя ловлю иногда на мысли, что если б не бизнес, который съедает практически все время, то я бы хотел возвращаться домой, где еще с улицы пахнет выпечкой.

Я не фанат пирожков – наелся в институтские годы. Но то, что делает Маринка – это сродни произведению искусства. Чувствуется, что в них вложена душа.

Дома у нас, конечно, таких изысков нет. Ланка презрительно морщит нос при упоминании об «этих калорийных бомбах». А исключительно для себя я не заставляю домработницу печь что-то.

Только у Димки понимаешь, что «еда – это наслаждение вкусом», а еще атмосферой – домашнего тепла. Которого ни за какие деньги не купишь.

И Герц это тоже чувствует. Он здесь не просто счастлив, мне кажется, что он на своем седьмом собачьем небе от счастья. Здесь ему разрешается нарушить рацион и, щелкая зубастой пастью, на лету поймать пирожок. А потом с самым

несчастливым видом голодной бродяжки чуть ли не складывать лапы, умоляя этих жестоких людей дать хоть еще одну крошечку.

Но самое главное удовольствие – это возиться с детьми. Он позволяет Степке и Петьке виснуть на нем, устраивать кучу малу с его участием и всячески поощряет разные потребности.

Я не завожу разговоров с Ланкой о детях. Хватило одного раза...

Никогда не думал, что женюсь. Но она показалась мне просто анахронизмом, нонсенсом, инопланетянкой, разрывающей все шаблоны.

...Благотворительный вечер. Терпеть не могу такие пафосные мероприятия. Возьми, перечисли деньги детскому дому или дому престарелых – и все это, не выходя из офиса. Так нет же, вырвать целый вечер из жизни, чтоб на тебя пялились, совали твое фото в разные чмошные газетенки!

Но я не мог отказать Эльвире, моей любовнице, муж которой и устраивал эту тусовку. Нечастые встречи с разнужданым сексом и иллюзией отношений давали ей право превращать меня в золотую рыбку, и хотя бы три желания, но исполнить я должен. Как честный джентльмен.

К тому же я получил фото, где ключ лежал на шикарных трусиках, и это означало одно – у нее есть некое помещение, где я смогу эти трусики увидеть вживую и даже снять их. И кто ж откажется?!

В сексе я не оригинален. Меня заводит цейтнот, когда всю страсть и желание необходимо выплеснуть в ограниченное время. И само собой общественное место щекочет нервы. И еще плюс – «не отходя от кассы» наставить рога ее муженьку, гребаному чинуше, лишившему меня тендера.

Будем считать, что я очень дорого купил его жену и вот такой драйв. И кто сказал, что месть – это блюдо, которое подают холодным?! Чушь! Если долго носить в себе придавленные эмоции, рванет! Или здоровьем, или в делах развал. Это же энергия, а наш организм – не саркофаг, чтоб ее сдерживать без вреда. Я считаю – хочешь отомстить – делай сразу, хотя бы дротиками для начала забросай фотку врага, а не можешь, лучше послать к черту. Во всяком случае, раскладывая на столе Эльку, я с таким жаром вбивался в нее, выпивая до капельки все вожделение, всю ее кошачью похоть, что рогоносцу оставалось только «милый, не сегодня» и «ужасно голова болит».

С трудом давая злорадную ухмылку, я ринулся за своей сиреной, которая бросив «скифский» взгляд через плечо, вышла из зала.

– Извините, вы не могли бы меня сфотографировать? Я здесь одна. А мне очень нужно бабушке послать фото, – нежный голосок остановил меня «на всем скаку».

Я затормозил.

– Вот здесь, – девушка махнула в сторону «домика» для небольших пожертвований. – Бабушка всегда говорит, что

необязательно быть сильным и богатым, чтобы помогать, достаточно быть добрым. Вот хочу показать ей, что она меня не зря воспитывала.

Недорогое, но и не китайского ширпотреба платье бледно – бирюзового цвета подчеркивало невероятный цвет глаз незнакомки. Они тоже были бирюзовыми, как бездонное море. Аккуратные черты лица, высокие скулы. Правда, закрались сомнения, что губы изначально Природа задумывала не такими соблазнительными, но они не портили картину. Длинные волосы, словно шелковый плащ, укрывали ее спину. На шее скромная нитка жемчуга и такая же на запястье. Минимум косметики. Бирюзовые лодочки на низком каблуке. Неброско, не кричаще дорого, но стильно, со вкусом и как-то так целомудренно, что мне пришлось буквально подобрать челюсть. На фоне расфуфыренных высококаблучных и набрильяntenных дам она смотрелась, как настоящая принцесса.

Не сказать, что я впадаю в ступор при виде красивых девушек. Обложка для меня не так важна, как содержание. Здесь же все в одном флаконе.

Не дожидаясь, пока я вспомню, куда шел, она настроила камеру и всунула свой телефон мне в руку. И опять удивила – старенькая модель айфона, такую, наверно, и первоклашки стыдятся показывать кому-либо.

Девушка подошла к домику и, достав из сумочки две купюры с Хабаровском, поднесла к отверстию, ждущему под-

ношений.

– Готовы?!

– Готов! – кивнул я и запечатлел нужный момент.

– Получилось? – спросила она, от любопытства прикусив уголок губы.

– Вроде да.

– Спасибо большое! – незнакомка как-то по-детски улыбнулась. – Вы меня очень выручили.

Не дожидаясь моей реакции, она развернулась и направилась к выходу.

Быстренько выхватив телефон, я сфотографировал ее и переслал Олегу, ожидавшему меня в машине.

– Проследи за этой куколкой. Я сам домой доберусь. Смотри, не упусти.

– Обижает, начальник, – Олег самодовольно хмыкнул. – От меня не уйдешь!

Надо ли говорить, что к Эльке я пришел, как Ослик Иа в свой день рождения?!

– Ау! Барсов!!! Ты вообще где? – озадачилась она, когда вместо того, чтоб с ходу задрать платье и грубо нагнуть, я поцеловал ее в нос и обнял. И моя сладострастная тигрица получила бумерангом «Милая, давай не сегодня».

Что меня зацепило тогда? Разрыв шаблона. Я привык к тому, что молодые девчонки – это только «Брать». Обеими руками, а что не помещается, распихивать по карманам. Поэтому я давно перестал появляться в клубах, да и бизнес

нужно было расширять, стало не до того. И интерес к одно-разовым кошечкам сошел на нет.

А здесь желание помочь и «погордиться» перед бабушкой. Да и десять косарей при ее скромном виде – это весомо. И еще, наверно, вот это – «Достаточно быть добрым». Повяло какой-то патриархальной милотой, от которой в душе что-то шевельнулось.

Доброта – это не то понятие, которое сейчас в тренде. Даже это благотворительное мероприятие – настоящая ярмарка тщеславия. И тут такой контраст! Милая наивность – показать бабушке, что не зря воспитывала.

Я еле дождался следующего дня, чтоб узнать все о незнакомке.

Глава 3

Олег не подкачал. На блюдечке с голубой каемочкой я получил нужную информацию. Светлана Гусько, прописана в Саратове. По адресу прописки проживает ее бабушка. Сама Светлана снимает квартиру в Бирюлево с двумя девушками. Начинаящая модель в агентстве «Евростиль». Олег схулиганил и следующую запись обвел красным: «В стиле ню не снимается. Откровенных фото нет нигде».

И в этом свете ее благородный поступок приобрел еще большую значимость. Выждав положенные три дня (по законам пикаперства), я ринулся на завоевание.

Первым делом приехал в агентство. Современный офис. Стильно обставлен. На стенах, сразу знакомя посетителей с «товаром», фотографии красивых девушек. «А не приторговывают ли тут ими?» – мелькнула подозрительная мысль, хотя никаких намеков «на это» не было. Но, как говорится, чем черт не шутит.

Радужная барышня на рецепшене незамедлительно мне предложила что-нибудь выпить и располагаться поудобней, пока подойдет менеджер.

Тут же одобренный мною кофе материализовался, как по мановению волшебной палочки. И надо сказать, весьма хорошего качества. Как и духи подоспевшей распорядитель-

ницы.

– Мне нужна девушка для рекламного ролика. Загородные коттеджи.

– Мы рады, что вы выбрали наше агентство. Наши девушки – это именно то, что вам нужно. Стильные, красивые и достаточно скромные. Так что можете быть уверены, что никто не узнает в вашей рекламе девушку с обложки журнала для мужчин. Это я вам гарантирую.

Мне бы задуматься, с какого перепуга здесь так рьяно блюдут честь моделей. Не секрет, что, прежде чем пробиться на высокооплачиваемые позиции в индустрии моды, многие не только грациозно переставляют свои длинные ноги по «языку», но и охотно раздвигают их перед толстосумами.

Я не ханжа и не сторонник телегонии [1], но и большое количество «предшественников» тоже не приветствую. И черт меня дери, подсознательно хотел в жены невинную. Ну насколько это возможно при нынешних нравах.

Менеджер выложила передо мной хэдбук [2] и начала соловьем заливаться. Трудно ж иногда быть вежливым кроликом! Так хотелось сказать: «Укроти свой фонтан красноречия!», но я надеялся, что фото нужной мне девушки не подпирает форзац.

Повезло! Светлана улыбнулась своей кроткой, совершенно не модельной улыбкой где-то на середине.

Я ткнул пальцем в фото.

– О, это Ланочка! Очень перспективная девочка! Она но-

венькая, но чрезвычайно дисциплинированная и трудолюбивая. Гарантирую, ваши коттеджи будут пользоваться бешеным спросом, если возьмете ее. Она сейчас на показе. Когда вам удобно будет встретиться, чтобы все обговорить?

– Я могу подъехать, где у нее там показ, и обсудить на месте.

– Крокус-Экспо. Она представляет модели Натали Стар, – значительно кивнула "мадам" головой и заговорщически добавила. – Это дочь о-о-очень известного человека. К шести показ закончится, так что, я думаю, успеете все обсудить. Вот вам телефон Ланочки.

Вторая встреча с девушкой добавила еще плюсов ее рейтингу в моих глазах. Она выпорхнула из здания, как птичка. Легкая, изящная. И совсем какая-то мило – домашняя.

Голубые джинсы, тесно облегающие ее бедра, черная футболка под горло, белые конверсы и высокий, завязанный на макушке хвост.

– Ой, это вы? – она смутилась и трогательно захлопала ресничками. Длинными, пушистыми, но не «коровьими», наклеенными.

– Надо же! А это вы! Давайте поужинаем где-нибудь в уютном месте, а потом я отвезу вас домой. И за это время как раз все обсудим.

Меня покорила ее манера общения. Сдержанная, без вульгарного кокетства, какая-то интеллигентная. Безумно

красиво села в автомобиль. Правда, это неудивительно – модель все-таки.

И я решил, что лучшей визитной карточки, то есть жены, мне не найти. Светлана – Лана – само совершенство. Мне пришлось и, правда, сделать рекламный ролик ради нее. Мы сблизились, и все так быстро закрутилось, что я опомниться не успел, как сделал ей предложение. Сначала, конечно, переехать ко мне. И получил вежливый, но твердый отказ.

– Арсений, я благодарна вам за предложение. Уверена, оно продиктовано самыми лучшими побуждениями, но для меня это неприемлемо. Я не хочу быть содержанкой. Я хочу, чтобы меня уважали, поэтому сама зарабатываю на хлеб.

Пазл, как мне казалось, сложился, и я, недолго думая, сделал уже другое предложение, от которого она не смогла отказаться.

Некоторое время считал, что вытащил свой счастливый билетик. Пока не услышал кусок разговора, который нагнал легких облачков на мое небесное счастье.

– Что? Эта курица отхватила нефтяного магната?! Не верю! У нее же походка – «спешу на электричку». Кулек семечек в руки и в деревню на завалинку!

В голосе моей воспитанной и интеллигентной жены зазвучали откровенно хабальские нотки, царапнувшие мой слух, как пенопласт по стеклу.

Подслушивать нехорошо. Да-да! Еще Маяковский рассказывал, что такое хорошо и что такое плохо. Но я предпо-

читаю поступить плохо, вместо того, чтоб оставлять что-то непонятное в отношениях. И пусть кто скажет, что это не дипломатично....

– Ланка! С кем это ты не стесняешься изъясняться, как базарная баба? Культурный уровень собеседника обязывает? Так на хрен таких собеседников. А если б я пришел не один?

– Сенечка, ты как всегда прав. Культурный уровень собеседника обязывает. Это соседка по квартире. Знаешь, было бы некрасиво вычеркнуть ее из своей жизни. – Она укоризненно посмотрела на меня. Опустила глаза и тихо добавила: – Хорошо, что ты не знаешь, каково это упаковку доширака делить на двоих.

Слава Богу, не знаю, но с выбором окружения стараюсь быть избирательным. Я не вожу дружбу с выгодными людьми, которые повернутся задом, как только ты только споткнешься. А уж если упадешь! Перешагнут и сделают вид, что не заметили. Сугубо деловые отношения. Даю взятки, когда знаю, что возьмут, потому что есть за какую ниточку дернуть.

А Ланка... Мне стало стыдно. Ведь я получил готовую жену, практически «стенфордскую». Красивую, милую, уступчивую. Умеющую поддержать светскую беседу. И ничего не потрудился узнать о ее прошлом. Доширак на двоих...

Я судорожно поизвинялся перед потенциальным партнером и отложил встречу, вместо которой повез свою моло-

дую супругу в ювелирный бутик.

Однако взамен потребовал уйти из агентства и свести к минимуму общение с барышнями из Бирюлево.

Ланка восторженно захлопала в ладоши при виде подарка и согласилась на мои требования.

Я, как наивный чукотский мальчик, уже собирался одну комнату под детскую перепланировать, однако жена, отдалившись от одной компании, как родная, влилась в другую. Перезнакомившись с женами моих деловых партнеров, она сразу же стала своей в гламурной тусовке и, как медведь в смоле, прочно залипла там.

И как только я, насмотревшись на Димкиных карапузов, заикнулся о производстве своих, тут же получил картину маслом.

– Сеня, ты вынудил меня уйти с работы, расстаться с друзьями. И у меня такое чувство, что я для тебя лишь кукла. А куклой можно наиграться и выбросить. И если я потеряю форму, то о возвращении в модельный бизнес можно забыть. А я больше ничего не умею.

Снова манипуляция?! Снова в каком-то месте должно стать стыдно?! Стыдно размером с новое кольцо!

– Лана, ты забыла, что у нас брачный договор? И на улице ты не останешься, потому что если брак будет расторгнут по моей инициативе без каких-либо объективных причин, ты получишь приличное содержание. Так какого черта ты мне это сейчас задвигаешь?!

И сам инсайтом понял какого... Очарованный восхитительной обложкой, я не думал ни о чем. Я хотел эту девушку, я ее получил. Непуганый, без драм в личной жизни, я и не задумывался о глубоких чувствах. Мне нравилась эта девушка от макушки до кончиков пальчиков на ногах. И я был уверен, что у нас есть все, чтобы быть счастливой парой. Уважение, принятие, желание сделать приятное – разве это не любовь? !

Не любовь. Если женщина не хочет от мужчины детей, значит, она его не любит.

С того момента у меня резко сократилось количество свободного времени, и жизнь вошла в свою привычную колею. С несколькими бонусами.

Меня вычеркнули из списка завидных женихов. Не приходилось ужом вертеться, чтобы заключать контракты с партнерами, придерживавшихся патриархальных взглядов. Всегда под рукой секс.

А внезапно проснувшийся отцовский инстинкт можно удовлетворить со Степкой и Петькой. И с Герцем.

[1] Телего́ния (от греч. tele – вдаль, далеко и gone (goneia) – зарождение, произведение на свет, потомство – опровергнутая биологическая концепция, существовавшая в XIX веке, утверждавшая, что спаривание с предшествовавшими, а особенно с самым первым сексуальным партнёром существенно сказывается на наследственных признаках потомства женской особи, полученного в результате спаривания с по-

следующими партнёрами.

[2] Хэдбук(от англ. head book – главная книга) большой настольный альбом с фотографиями всех моделей агентства.

Глава 4

Погрузившись в раздумья, я едва не проморгал красный на светофоре. Однако за мгновение до того, как я резко ударил по тормозам, раздался испуганный «ой» няньки Герца. Теперь подумает, что я какой-то чайник за рулем.

Надо что-то срочно делать, иначе и до депрессии недалеко. А там, как водится, и бутылка лучшим другом станет.

«Барсов, соберись!» – мысленно похлопал себя по щекам. Все наладится.

– Арсений..., – после негромкого покашливания моя замарашка робко подала голос.

– Да? Что ты хотела?

– Извините, что лезу с советами, но вам нужно срочно что-то сделать для поднятия настроения.

– С чего ты взяла, что у меня плохое настроение?

Девчонка удивила меня, потому что я не страдал перепадами настроения и считал, что оно у меня всегда ровное. И не рычу ни на кого, и от радости хвостиком не виляю.

– Видно, что у вас проблемы какие-то, и соответственно, вы этим расстроены.

Я вопросительно посмотрел в зеркало заднего вида и натолкнулся на бесхитростный взгляд няньки.

– У вас уголки губ приподняты, но это не улыбка, а скорей

выражение презрения. И вы морщите лоб, и от этого у вас постоянная складка между бровями.

– А ты, что, физиогномист? – теперь я уже осознанно тяну уголок губы вверх, демонстрируя презрение. Хотя на самом деле мне не по себе. Я только сейчас почувствовал, что мышцы лица и в самом деле, как каменные. И посторонняя девчонка это заметила, а жена не обращала внимания на то, что я, действительно, напряжен, как натянутая струна.

Она весело щебетала, рассказывая, какой прием намечается у Синицких и как ей срочно нужно найти такой наряд, чтобы все ахнули.

«Милый, ты же хочешь, чтобы твоя жена была лучше всех!»

И ей по фигу, что мне совсем не до приемов и оценивания нарядов. Кстати, надо предупредить, что не приеду сегодня.

После десятого гудка раздается звонкое: «Да, Сенечка, что случилось?»

– Я ночую за городом, оттуда сразу в аэропорт, я улетаю на неделю. Может меньше. Так что веди себя прилично.

– А почему без меня? – практически вижу, как капризно-обиженно надулись ее губки.

– Я в Сочи. Ты со мной? – подтруниваю я.

– О, нет, к завтрашнему дню я не успею. У меня запись к Грэгу. Я два месяца ждала.

– Эээ, Грэг у нас кто?

– Сеня, Грэг у нас модный стилист, – легкая укоризна слышалась в голосе Ланки.

Ну собственно и все. Сочи не Париж.

Да, дорога к дому оказалась нескучной...

Открыв с пульта ворота, я загнал машину во двор. И едва остановился, как Герц чуть не выдавил своей тушей стекло. Выпустив его на свободу, я с удовольствием наблюдал, как здоровенный доберман скачет, как голодная дворняга, увидевшая кусок дармовой колбасы.

Он очень любил этот дом, как настоящее дитя природы. Любил его и я, но в городе было удобней.

Следом выбралась нянька Герца и, наверно, забыв о моем присутствии, вытянула руки вверх и воскликнула:

– Господи, какая красота!

Вот точно, что на уме, то и на языке. Я вообще-то работодатель, и передо мной нужно если не почтительно с поклоном «Чего изволите?», то уж точно как можно меньше телодвижений и звуков производить.

Но у меня не хватило духу сделать замечание. Она так искренне радовалась, что пришлось подавить невольную улыбку.

Но девчонка сама, наверно, сообразила, что субординацию никто не отменял, и смущенно опустила глаза.

– Пойдем в дом. Покажу, что где.

– А почему вы здесь не живете постоянно? Здесь же так красиво?

Она опять забылась, с восторгом разглядывая все вокруг.

– Для начала сделай мне чай. Без сахара. И без разговоров.

– Ой, я много болтаю? Простите. Я вообще сдержанная, но сейчас от радости дала волю эмоциям. – Она обхватила кулак одной руки ладонью другой и прижала к груди в знак искреннего сожаления.

– Ну ты радоваться-то подожди. У нас речь шла о неделе. Если меня что-то не устроит, снова будешь искать работу. – Я попытался остудить ее пыл, однако по тому, с каким обожанием на нее смотрел Герц, я понял, что не устроить может лишь что-то из ряда вон выходящее.

– Я буду стараться.

– Надеюсь. А пока сделай к чаю бутерброд какой-нибудь. Мария Васильевна мне запасы делает на случай неожиданного приезда, так что тебе не нужно будет ездить в магазин. Она тут убирала и до тебя. Теперь это в твоих обязанностях. Но кроме вас с Герцем в доме никого не будет, значит, мусорить некому. Главное, чтоб пыль ключьями не лежала. А этому шалопаю только лапы будешь мыть с улицы, если в грязь влезет.

– Ну раз вы меня нанимаете, а Мария Васильевна только по дому хозяйничала, значит, за Герцем кто-то другой смотрел? Он где?

– Герц его съел, а косточки мы под альпийской горкой зарыли!

Увидев, как на миг глаза девчонки изумленно распахнулись, я едва сдержал смех. Что ж за чучело такое?! Только что предупредил, чтоб свела к минимуму попытки общения, а ей хоть бы хны.

– Ой! – она испуганно прикусила губы, вспомнив, что обещала сдерживать свою речевую деятельность при мне. – Шутки у вас!

– Хорошо. Это шутка. Но если не прекратишь меня доставать, то будешь точно под альпийской горкой. Отвечаю на вопрос. Петр, садовник и нянь Герца, решил с ним по бревну пробежаться. Упал. Очнулся. Гипс.

И тут же поймал себя на мысли, что сам нарушаю субординацию. Я очень демократичный человек, но не с теми, кто на меня работает. А тут две шутки за одну минуту.

– И я уже некоторое время жду чай и бутерброд.

– Простите, сейчас все будет.

Она метнулась к мойке, помыла руки, за что получила от меня мысленный лайк, и осмотрелась. Увидела микроволновку. Достала из холодильника бекон, сыр, критично осмотрела листья салата. Нерешительно взяла в руки майонез.

Я отвернулся, предоставив девчонке свободу действий, и уткнулся в ноут.

– Пожалуйста, – услышал над ухом, а мой нос уловил аромат, от которого буквально потекли слюнки. Как она угадала и без лишних вопросов?! Соленые огурчики поверх бекона

и расплавленного ломтика сыра. С майонезом и салатом.

Дома Ланка бы закатила глаза при виде такого ужаса. «Медленное самоубийство» – она называла все, что я любил. Но здесь мою нежную совесть никто не будет грызть.

И я остался доволен смышленостью девчонки. Однако тут же расставил точки над «i». Для себя и для нее.

– Чашка должна стоять за тарелкой. Ручкой ко мне.

– Хорошо, будет, – кротко ответила она и шумно сглотнула. И тут же испугалась. – Можно мы с Герцем гулять пойдём?!

Она ж голодная, как тузик бездомный! Черт. Вот я попал! По определению, кухня – столовая были только для меня и гостей. Марья Васильевна приезжала с утра, справлялась с делами и уезжала. Петр жил в домике для работников и там же готовил себе и Герцу.

Новую няньку я туда не могу отправить – еды там нет, да непригодно для девчонки. И ночевать она одна побоится – Герц спит на медвежьей шкуре в гостиной.

Но не есть же с ней за одним столом?! Слава Богу, дипломат во мне не совсем умер!

– Вон термос. Сделай себе кофе или чай, бутерброды. Герцу в ящике сверху возьми лакомства и идите гулять. Здесь недалеко озеро. Будешь бросать мячик, пока ему не надоест. Потом дашь поощрение. А я пока поработаю. В тишине. – Многозначительно добавил, чтоб еще раз подчеркнуть свою нелюбовь к ненужным разговорам.

Она благодарно улыбнулась, а у меня в душе неожиданно будто солнечные зайчики запрыгали. Стало как-то до смешного уютно и тепло.

Однако ненадолго. Минутный позитив сменился, образно говоря, тем еще головняком.

И первый «сюрприз» прилетел от няньки. Едва они вернулись домой и набегавшийся Герц растянулся на своем любимом месте, в распахнутое окно влетел воробей, бестолковый камикадзе. Естественно, Герц в один прыжок достал бедолагу, однако не размолот челюстями, а только придавил, с интересом скашивая глаза на добычу.

И естественно, захотел похвастаться перед хозяином и уронил птичку у моих ног. Очумевший от счастья воробей попытался спастись бегством, то есть отпрыгнуть, а мой пес, с удивлением взглянув на меня, тут же придавил его лапой.

– Герц, фу! – ринулась на помощь пернатому нянька. Однако проснувшийся инстинкт охотника был сильнее голоса понравившейся девчонки. И он снова схватил за крыло воробья.

– Арсений! Прикажите, чтоб он отпустил! Он меня не слушается! – взвизгнула защитница.

– Это его добыча, – пожал я плечами, с интересом наблюдая за заинтересованной физиономией собаки.

– Это жестоко! Ну как вы можете?! Он же его задушит! Это же не мячик, с которым можно играть! Он живой! – девчонка всхлипнула и ринулась отбирать воробья у Герца. Че-

му собственно тот был не особо рад. Он рыкнул, и я даже испугался.

– Герц! – мне пришлось повысить голос. Однако пес не понимал, что он делает не так, и продолжал мотать головой из стороны в сторону, забавляясь трепыхающейся птицей.

– Герц, миленький! Отдай! Ты же не убийца! – со слезами на глазах девчонка умоляла раззадоренного охотой пса. И больше того. Она потихоньку разжимала его пасть, несмотря на предупреждающее рычание.

Пришлось применить власть.

– Герц! Фу! Ко мне!

Глядя, что называется исподлобья, доберман неохотно подошел. Я протянул руку.

– Дай сюда!

Герц выпустил добычу и демонстративно отвернулся.

– Спасибо вам, – дрожащим голосом поблагодарила меня эта гуманистка. – Можно я о нем позабочусь?

– Варвара! Ты отдаешь себе отчет, что людей нанимают на работу, чтобы решить свои проблемы! А вовсе не для того, чтобы их себе создать! А сейчас я имею от тебя проблемы! Ты меня поняла?!

Два синих омута умоляюще уставились на меня.

– Поняла! – девчонка, как китайский болванчик, затрясла головой, выражая свое согласие.

– Что ты поняла?

– Вы вспомнили мое имя. Ой! – она в отчаянии всплесну-

ла ладошками, понимая, что опять что-то сморозила.

Моя злость, как воздух из проколотого шарика со свистом вылетела. Если б не видел паспорт, поклялся б всеми потрохами, что передо мной несовершеннолетняя соплюшка, для которой пойманная птичка – это самое большое горе.

– Иди уже, Айболит. Лечи. Найди коробку и сделай ему гнездо, пусть посидит, пока не оклемается.

Я снисходительно улыбнулся. Черт знает что творится! Получается, что она вьет из меня веревки?! Или это я уже так зачерствел, как заплесневелый сухарь, что перестал испытывать нормальные человеческие эмоции? Сопереживание, желание помочь, защитить слабого?!

Но если бы я в себе это не искоренил, то меня уже б давно сожрали и косточки выплюнули. В бизнесе только голый расчет.

А приступ сентиментальной блажи дорого мне обошелся. И словно в открытую рану солью, в мою душу пробралось невольное сравнение. Весьма отрезвляющее.

Точно так же я купился на чистоту и благородство Ланки. Думал, вот он! «Чистейшей прелести чистейший образец»! Как у Пушкина!

А все оказалось намного прозаичней. Я понял, что агентство, где она работала, не совсем модельное. В интернете размещают объявления, типа «Выдадим замуж за миллионера, олигарха и т.д». Девицы пачками ломаются. И среди них отбирают тех, кто реально может зацепить приверед-

ливого холостяка. Их обучают манерам, стилю, оттачивают походку и моделируют сценарии «случайного» знакомства. А потом уже попавшийся в силки олигарх оплачивает расходы конторы под видом компенсации за сорванные контракты подающей надежды модели.

Попался и я. И так же выплатил за Ланку неустойку.

Сначала, как только узнал истину, было очень не по себе. А сейчас уверен, что мне достался не самый плохой вариант.

Неужели и эта замухрышка прикидывается такой чувствительной и трепетной ланью, лишь бы вызвать эмоции и привязать?

А что? Сколько раз приходилось стряхивать с себя малолеток, которые по недоразумению были дочерьми влиятельных людей.

Они готовы были залезть в штаны чуть ли не за ближайшим углом! А одна даже решила обвинить меня в домогательстве. Размазав помаду на губах, растрепав волосы и стащив до пояса эластичное платье, ринулась в зал и при всех заорала:

«Папа! Пусть его арестуют. Он хотел меня изнасиловать!» И дурочка даже не сообразила, что я курил в зоне видимости камеры, где она и разыграла спектакль.

Так что Ланкой я теперь защищен на приемах и от таких неприятностей.

И не успел я вынырнуть из размышлений, как нарисовался сюрприз номер два.

Глава 5

– Милый, я заволновалась. Ты уезжаешь, а мне ничего об этом не говорил. И потом собрался ночевать за городом!

Впорхнувшая в дом Ланка, как всегда, просто лучилась позитивом и заботой. Элегантный брючный костюм глубокого синего цвета, лодочки в тон и ярко-бирюзовый шарфик, подчеркивающий ее необычные глаза – все целиком делало ее неотразимо привлекательной, женственной, стильной. И, несмотря на пробивающееся временами раздражение, нельзя не признать, что я до сих пор не могу ею налюбоваться.

Возможно, другие женщины одеваются и более изысканно, как известно, нет предела совершенству, но Ланка – моя жена, принадлежит мне. А остальные пусть облизываются.

– И из-за этого ты бросила все и примчалась сюда, хотя не очень любишь этот дом?! – я усмехнулся. Несмотря на брачный договор, она понимала, что если мужчина решит растаться, то найдет кучу способов оставить жену с минимальным содержанием. Поэтому всегда держала руку на пульсе. Ненавязчиво контролировала. Даже в офисе скромно просиживала по полдня, пока не вынудила меня перевести молоденькую секретаршу в филиал, а на ее место взять опытную пятидесятилетнюю даму. И надо сказать Ланке спасибо – не прогадал. Офис заработал, как часы.

Хочется иногда доступно объяснить жене, что я не собираюсь снова испытывать судьбу и что она меня вполне устраивает, поэтому ревновать меня глупо, но молчу. Наверно, приятно. Иллюзия чувств.

– Здравствуйте, – нянька Герца отнесла раненую птицу, очевидно, в домик для работников, чтобы пес не нашел, и сейчас застыла столбом, увидев Ланку.

Та, вздернув бровь, критично осмотрела замарашку и перевела вопросительный взгляд на меня.

– Это Варвара, будет следить за домом и Герцем. Я же не могу его оставить на тебя в квартире, – пояснил я.

Глаза Ланки непроизвольно сощурились, выдав ее недоброжелательные мысли, однако она тут же взяла себя в руки и нацепила на лицо снисходительно-барскую улыбку.

– Варенька, отнеси очки в нашу спальню и положи на тумбочку. Только ради Бога, аккуратно. Это «Гуччи». Новая коллекция. Очень. Очень дорогие.

Манерным жестом она сняла со лба очки и протянула девчонке, которая с нескрываемым страхом тарасилась то на нее, то на очки.

Вот как раз это один из тех моментов, когда я начинаю раздражаться. Ланка никогда не хамила ни прислуге, ни официантам, но всегда делала так, что они едва не проглатывали язык от дискомфорта.

Было в ее вежливости что-то такое, что заставляло других чувствовать себя пылью под ногами госпожи. Иногда

прямо хочется напомнить, что забрал я ее не с Елисейских полей, а из Бирюлево. И что приданое – бобик на цепи...

Осторожно, как рыбу фугу, Варвара взяла атрибут лакшери жизни и понесла наверх.

– Сеня, ты у меня самый замечательный муж, но иногда я чувствую себя такой ненужной и неважной в твоей жизни, что мне становится очень грустно.

Она тяжело вздохнула и приправила глубокой скорбью свой взгляд.

– Ты о чем?

– Ты мне не разрешил устроить прием, а сам нанимаешь новую прислугу. Зачем Герцу нянька?

– А как ты себе представляешь, я буду метаться по делам туда-сюда вместе с ним?

– Ну мог бы Дмитрию оставить, они ж его любят, – мгновенно включившийся калькулятор в голове у Ланки любезно предоставил все варианты экономии.

– А то, что ему кашу варить нужно, бегать с ним, ты не учитываешь? Почему я должен утруждать друзей? Это не день и не два! – непроизвольно я повысил голос.

Ланка тут же включила послушную кошечку и, зайдя сзади, обвила руками мою шею.

– Ну Сенюшка, не сердись. Мне просто показалось, что она слишком молодая. И если ее отмыть, то она и забудет, что прислуга. Начнет тут хвостом вертеть.

– Ты ревнуешь?

Удивительное дело, только что я злился на нее, но она меня обезоружила. Ведь когда не ревнуют, это значит, не боятся потерять. Мне кажется, что отсутствие ревности – это не признак самодостаточности, а скорей самовлюбленности... Но как бы то ни было, Ланка меня забавляла этим.

– Сеня, ты серьезно? К этому недоразумению среднего пола? Конечно, нет! Но я должна была проверить. Она хоть не заразная?!

– У меня нет времени гонять ее по больницам. Вернусь, тогда отправлю.

– И как она нам еду будет готовить? – Ланка изобразила вселенский ужас на лице.

– Чистыми помытыми руками. К тому же она явно еще не освоилась, не знает твоих требований. Да и собственно, я нанимаю ее не для этого. Закажем доставку из ресторана.

– А она будет прохлаждаться? И где ты ее поселил? – Ланка принялась изображать из себя домовитую хозяйку, чего раньше за ней не водилось. Она у меня появилась, когда штат работников был полностью укомплектован и высказывать сомнения по поводу кандидатур было бы неуместно. А сейчас она, похоже, начинала входить в образ барыньки.

– Лан, давай ты не будешь подвергать критике мои решения. Я не для этого на тебе женился, – поставил ее на место.

Пухлые губы обиженно дрогнули, и Ланка тяжело вздохнула.

– То есть я ничем не могу поинтересоваться?

– Интересуйся. Но оценочная деятельность от тебя не требуется.

– А если она нас обворует? – не унималась жена, и я искренне не понимал, что с ней творится. Может, и правда, молодость и милая мордашка няньки ее тревожат?! Смешно. Она мне в дочки годится. Хотя и Ланка – то немногим старше. Но она взрослая, знающая себе цену. А эта малявка реально лет на четырнадцать выглядит, мыслит и ведет себя. Да и вообще, как не от мира сего. Как она воробышка кинулась защищать?! Представил, как заверещала бы Ланка, увидев, что Герц треплет жертву: «Уберите эту гадость немедленно!!!» Я помимо воли усмехнулся.

И тут же вспомнил, что даже не сказал, где девчонка будет спать. Вон рюкзачок сиротливо лежит под лестницей! Черт! Даже животному, когда в дом берут, сразу же место указывают...

И тут же сверху раздался нерешительный голосок.

– Простите, я думала, что сразу найду вашу спальню, но не смогла.

– Она еще и бестолковая! – страдальчески простонала Ланка. И обращаясь к Варваре, резюмировала: – Спальня хозяев от гостевых отличается тем, что там есть какие-то личные вещи.

А мои мысли опять вернулись к рюкзачку. Что туда может поместиться, кроме зубной щетки и прочих мелочей?!

В чем она будет ходить?

– Варвара!

Я понял, почему до сих пор в мыслях я называл ее то замарашкой, то чучелом, то просто девчонкой. При имени Варвара сразу вспоминалась старая сказка, в которой какая-то нечисть в исполнении гениального Миллара гневно произносит «Вар-вар-вара!» и невольную улыбку, как ответ далекого–предалекого детства, приходится прятать в бороде. Очень несолидно сказки приплетать в жизнь.

– Да?! – сбегая, как горная козочка, со ступенек, с готовностью откликается она.

– Ты в чем ходить будешь? Что из вещей есть?

Девчонка смущенно потупила глаза и нерешительно ответила:

– Есть у меня. Спортивный костюм. Две футболки. Бадлон и – она замялась, прежде чем произнести. – Белье.

– Что у тебя есть?! – я думал, что опция «удивляться» у меня уже выключена. Ан нет. – Бадлон?! – изумленно переспросил я.

– Да..., – нянька непонимающе уставилась на меня и, словно, что-то сообразив, начала покрываться пятнами.

– Какой еще баллон? – Ланка окинула настороженным взглядом меня и няньку, не понимая, о чем речь.

– А откуда ты взяла это слово? Разве в Тамбовской области не водолазка говорят?

– Водолазка. Говорят. Но у нас была учительница, она переехала из Петербурга. И я от нее слышала. Мне понрави-

лось слово. И я решила разнообразить свой лексикон.

Она говорила рваными фразами, с головой выдававшими ее. Врет безбожно, но не умеет этого делать и краснеет.

Вот и приплыли. Что мне еще предстоит узнать о тебе, Варвара из сказки?

Но для начала надо хоть создать человеческие условия для нее.

– Варвара, бери свои пожитки и обустраивайся. За лестницей гостевая комната с санузлом, будешь жить там, – командовал я. Девчонка, закинув свои пожитки в указанную комнату, тут же вынырнула и под села к обиженному Герцу мириться.

А Ланка, очевидно, сообразив, что юные замарашки меня не интересуют, как и не интересуют отношения на стороне в принципе, включила хозяйку-обаяшку.

– Варенька!

Я сильно удивился тому, что за «Варенька» не последовало «детка». Уж очень покровительственный тон она взяла!

– Что? – тут же откликнулась девчонка, опять заставив меня улыбнуться. Ни для кого не секрет, что люди, нанимающиеся в сферу обслуживания – будь то семья, дорогой салон красоты или ресторан, сознательно оставляют свое «Я» за дверью. Для этой работы самое важное – чтоб клиент был доволен. И часто не столько качеством услуги, а отношением. Почтительным, иногда до приторности. Но в этом

деле, как с деньгами – приятное слово лишним не будет. Я терпеть не могу чрезмерной слащавости. А Ланка, несмотря на свою выработанную изысканность и «великосветскость», так еще и не привыкла и растекается в улыбке, когда ее начинают облизывать. А вот у Варвары этого почтения нет от слова совсем. Старается соответствовать, но ведет себя просто уважительно, как и положено со старшим.

Ланку покорило это наивно непочтительное «Что?», но она решила, что воспитанием хороших манер у прислуги займется потом.

– Пойдем наверх, я найду тебе что-нибудь из моего гардероба. Все равно обновить все нужно.

Акция неслыханной щедрости!

– Нет, спасибо! Не надо! Получу зарплату и куплю все, что нужно! – убила на корню благородный порыв хозяйки. А Ланка, не ожидавшая, что кто-то может отказаться от вещичек «с барского плеча», поджала губы куриной попкой и укоризненно посмотрела на меня. Во взгляде открыто читалось «Как ты мог взять такую неблагодарную ...». Дальше не знаю, что она подумала. Может «особу», может «дрянь», но меня сейчас интересовало не это.

– Я тебе выдам аванс, закажешь по интернету какую-нибудь более приличную одежду. Я не хочу, чтоб тебя забрали в полицию, подумав, что ты бродяжка, и обвинили, что ты пса украла.

– Спасибо! – так же бесхитростно ответила она.

Мне показалось, что ее улыбка может растворить и время, и пространство. Детская, искренняя, лучистая. Ну не может она быть воришкой или шпионкой! Но выяснить всю подноготную просто необходимо. И незамедлительно.

– Варвара, глянь-ка в шкафы. Какая там крупа есть? За городом хочется простой каши с чем-нибудь. Громко называй, что видишь.

Девчонка, так и не успевшая потискать Герца, метнулась на кухню. Стукнули дверцы, которые она с непривычки не придержала. Надо давно заменить там всю мебель, но руки не доходят.

– Пшено. Рис. – бойко рапортовала она. – Греча. Макароны.

Бинго!!! Ах ты ж врушка Варюшка! Теперь можешь не рассказывать, как коренная петербурженка приехала в российскую глубинку и переучила тамошних жителей.

– Иди сюда! – приказываю я.

Высовывается из кухни с недоумением на лице.

– А каша? Там я еще и ..., – она осеклась, сообразив, что снова прокололась.

– Обойдемся без каши.

Девчонка, ссутулившись, как старушка, робко подошла ко мне.

– А теперь рассказывай все, девочка Варя. Бадлон, согласен, можно понравившееся красивое слово юзать. Но греча! Так говорят только в Питере! А у тебя в паспорте Тамбов-

ская прописка. Объясни, что ты скрываешь?!

Холод, прозвучавший в моем голосе, был настолько очевиден, что даже Герц поднял свою обиженную задницу и, набычившись, подошел ко мне. Подтекст ясен: «Обидишь мою подружку, будешь иметь дело со мной!»

И не таких обламывали, поэтому собачий бунт давлению на корню.

– Герц, место!

Варвара, видя, как я рывкнул на своего любимца, совсем сникла. Она поджала дрожащие губы, а в глазах заметалась паника.

– Я не сделала ничего плохого! Я клянусь вам! – севшим от волнения голосом, принялась заверять меня.

– А, может, это ты так думаешь, что не сделала. Случаи всякие бывают. И так?

– Я жила в Питере. С дедушкой. Потом он умер. Меня отвезли к бабушке в Мичуринск.

– А почему нет данных о питерской прописке?

Самая дурацкая ситуация. Я и отдел кадров, и служба безопасности! Как же я устал в этой гонке. Немудрено, что начали головы поднимать и те, кто раньше вякнуть боялся. Узнали, что я с Сумским на ножах. Вернее, не стал лизать зад. Как шакалы, готовы напасть на Акелу, который промахнулся. И посыпалось...

Вот и с девчонкой ... Может, и Петр не с переломом лежит? Не я отвозил его в больницу. Может, ее и правда под-

сунули?! Хотя чуйка стопроцентно заверяла, что девчонка хорошая. Только что-то очень сильно скрывающая.

– Я понял, что ты жила в Питере. Но вопрос не снимается. Почему нет отметки о прописке там?!

Варвара побледнела, облизала пересохшие губы и уставилась на меня немигающим потерянным взглядом. У меня сложилось впечатление, что она не скажет того, о чем боится или не хочет говорить, хоть на куски режь ее.

– В Мичуринске я потеряла паспорт. И мне выдали новый. Но уже без питерской прописки.

Правдоподобно. И похоже, за ее девятнадцатилетнюю жизнь произошло немало. И со знаком минус.

– Варвара, пойди с Герцем во двор, – Ланка снова включила режим хозяйки.

Девчонка растерянно посмотрела на меня, безмолвно спрашивая – окончен ли допрос и слушаться ли приказа Ланки. Тем более, что я не обозначил ее статуса жены. Я кольцо не ношу, а ее настолько ослепительное, что не вызывает ассоциаций с обручальным.

Смешная история... Или грустная?

Ланка для свадьбы заказала в модном ювелирном доме кольца с бриллиантами. Отказывать ей я не собирался, хотя с души воротило при мысли, что буду сверкать, как пафосный гей. К тому же недешевое удовольствие – по полтора лимона. Но невеста хотела, чтоб все было продумано до мелочей и каждая деталь чтобы просто кричала о нашем статусе. Од-

нако я еще раз убедился, что все, что делается из-под палки и получается через задницу.

Невероятным образом нам перепутали дату, и, соответственно, кольца к свадьбе были не готовы. А так как мастера работали только с алмазами из ЮАР, на месте превращая их в чистейшей воды бриллианты, то ни угрозы, ни надбавки за срочность вопроса решить не могли.

Пришлось впопыхах покупать готовые. Ланка стала настаивать, чтобы нам все-таки сделали заказанные, а я уперся. Имеет ценность то, что непосредственно относится к торжеству. Кольца, которыми мы обменивались при росписи, это и есть обручальные. Те, которые муж и жена носят как знак любви и преданности. Другие будут просто украшениями.

Тогда супруга со слезами на глазах сообщила, что ей кажется, что я ее разлюбил. И я по новой заказал для нее то кольцо, которое она хотела.

А свое просто снял и положил в сейф. Из вредности. Раз для нее неважно, значит и мне.

Таким образом, Варвара не могла сходу определить наш семейный статус. И чтобы не ронять авторитет жены, подтвердил ее приказ.

– Да, пойдите во двор, а заодно и помиритесь.

Я понял, что Ланка «имеет мне что-то сказать».

– Сенечка, ты у меня слишком добрый, – ласковой кошечкой замурлыкала она. Я не удержался и хмыкнул. Так не скажи бы обо мне те, кто пытался вставлять палки в колеса –

выходило боком. Правда, до определенного момента.

– Лан, о чем ты?

– Об этой девчонке. Она наглая, непочтительная, и я не удивлюсь, если окажется, что она еще и скрывающаяся преступница. Одна эта сомнительная история с паспортом чего стоит! И обманула, что жила там где-то в тьму – таракани, а сама –то из Питера! Наверняка, там форточницей была. Да и что она о себе возомнила?! Я готова была поделиться и бельем «Victoria's Secret» и брендовыми вещами, а она побрезговала?! Сеня?! Она пренебрегла моей щедростью?! Тем более подозрительно, что у нее с собой ничего нет. Значит, собирается ограбить и сбежать? Или запустить в дом сообщников, которые все вынесут?! Герца приручила. Сеня, выставь ее прочь! Или потом не говори, что я не предупреждала.

Я притянул ее к себе и, поцеловав в ухо, успокоил.

– Лучше закажи нам ужин и ни о чем не беспокойся. Безопасность дома – это моя забота. А то, что отказалась от вещей... Это ее право. Криминала не вижу. И да. Она не твоя личная горничная, а всего лишь нянька Герца. И подобострастие ей по должности не положено. А с паспортом я разберусь. Я сам не люблю иметь дело с людьми, которые что-то скрывают.

Однако разобраться мне предстояло не только с паспортом.

Только я прилетел в Сочи и заселился в отель, как позвонил Олег.

Время поджимало, нужно было ехать к Зинчуку, который меня уже ждал, поэтому я хотел отложить разговор на потом. Сейчас нужно быть предельно сосредоточенным и собранным, четко изложить свой проект, заинтересовать, обрисовать перспективы.

Но Олег, нарушая субординацию, просто потребовал минуты внимания.

– Арсений! Не хочу тебя пугать, но у меня есть плохие новости о твоей няньке. Вернее, Герцевой. Она действительно прописана в Тамбовской области, в городе Мичуринске. Но! В Питере на учете в психдиспансере состоит либо полная тезка ее, либо она сама. Что прикажете делать, шеф?

Да уж! Если камень покатился с горы, он все снесет на своем пути. И похоже, что сейчас моя жизнь и попала под такой камень. Одна неприятность за другой.

– Пока ничего. Сейчас съезжу к Зинчуку, потом будем решать.

Голова шла кругом. Неприятность, как магнит, всегда тянет за собой еще одну неприятность. И причем даже большую. Закон снежного кома.

Я опять даю себе установку – к Зинчуку нужно приехать в самом бодром расположении духа, показать, что у меня все отлично, иначе этого прочно засевшего в норе крота не соблазнить перспективами. «Таити, Таити, нас и здесь неплохо кормят!» Это вот сейчас его позиция.

Однако мысли разбегались, как тараканы при виде зане-

сенного над ними тапка. И большая часть их была о Варваре, смешной девчонке, которую по факту принял на работу мой пес.

Даже если это и она на учете состоит... Какой вред может нанести? Герца не отравит и не придушит. Подожжет дом? Уведет собаку в лес или уедет на электричке, куда глаза глядят? Хотя даже если и диагноз в анамнезе какой есть, она адекватная. Правда, очень чувствительная. За зверюшек переживает, как за родных. Может, это и есть те звоночки, которые я не распознал?

Нет, вместо того, чтоб думать о контракте, я перемалываю в голове черт знает что!

Набираю Даньшина.

– Олег, придется тебе оторвать задницу от кресла. При самом удачном раскладе я здесь не меньше четырех дней. Пока старикан все изучит, пока согласует с юристами, пока выведет деньги... А я измаюсь. Ты ж в юности санитаром в психушке работал, можешь какие-то общие признаки выделить? Да и присмотреть нужно за девчонкой. Наведайся пару раз, припугни, если нужно.

– Есть, босс! – отрапортовал он, хотя в голосе энтузиазма я не услышал.

Глава 6

Я проснулась, и боялась открыть глаза. Мне казалось, что стоит только это сделать, и окажется, что мне все приснилось. И безумно красивый дом, и своя комната, и уверенность в том, что меня здесь никто не обидит. Старенькая футболка для «спанья», задралась, и я практически всем телом ощущала ласкающую нежность свежего постельного белья. Тонкий аромат дорогого кондиционера ублажал обоняние, и, если бы у меня был аккаунт хоть в одной из соцсетей, я смело бы поставила статус «Я в счастье!»

И тут же этого счастья привалило еще килограммов на сорок.

Герц, придавив лапой ручку двери, открыл ее и одним махом вскочил на постель. Тут же решил меня избавить от необходимости умываться и облизал, как заботливая мамаша своего щенка.

– Фу, обслюнявил! – с притворным недовольством я упрекнула его и, обхватив мощную шею пса, попыталась свалить. Но не тут-то было! Он вперся лапами на мою грудь, так что мне пришлось просить пощады.

– Гав!

– Да поняла, поняла я! Сейчас будет овсянка для вашего высочества!

С сожалением выползла из уютной постели и пошлепала умываться и заодно вспоминать все, что произошло.

Жена Арсения почему-то мне напомнила улитку. Не медлительностью, а своим нутром. Скользкая и фальшивая. И я умудрилась занять в ее лице недоброжелателя. Что весьма странно. Почему она все время пыталась показать, что я пыль под ее ногами. И еще, будто я ее соперница. Смешно же?! Я думала, что прислугу не замечают, а оказалось, очень даже

– Варвара, приготовь к ужину стол. Свечи, скатерть новую, приборы протри. У нас с мужем будет романтический вечер.

Она лисой обвилась вокруг Арсения и поцеловала его в губы. И мне показалось, что кто-то за шиворот забросил мне холодную мерзкую лягушку – так же неприятно и неожиданно. Может, это зависть во мне шевельнулась? Но я ведь и в мыслях не могу допустить, что такой мужчина, как Арсений, обратит на меня внимание. Для них вот такие Барби. Гламурные, тюнингованные, соответствующие статусу успешного мужчины, как дорогие часы, шикарный автомобиль, загородный дом.

– Милый, что ты будешь? – промурлыкала она, открыв сайт ресторана. – Я, пожалуй, сегодня согрешу – закажу фуагра с перепелкой и грушей в шафране, пармезанские баклажаны и карпаччо из свежих артишоков с рукколой и пармезаном. Варенька, ты ела фуагра? Впрочем, я думаю, тебе не

понравится. Далеко не все могут оценить тонкое сочетание вкусов. Хочешь, закажу тебе пиццу?

– Нет, спасибо. В холодильнике полно еды, мне Арсений разрешил, – прервала я поток ее самолюбования.

– Арсений Вячеславович! – тут же холодно одернула она меня.

Барсов, сосредоточенно хмуривший лоб в поисках какой-то важной информации в ноутбуке, в этот самый момент как раз отвлекся.

– Лана, я разрешил обращаться по имени.

На холеном лице мелькнула тень раздражения, тут же сменившаяся милой улыбкой.

– Ну это же панибратство какое-то? Ко мне только по имени – отчеству. Лана Викторовна. Варя, ты запомнила? – снова повернулась она ко мне.

Я кивнула.

– Сенечка, так что тебе заказать?

– Мне телячью лопатку с овощами. И салат с утиной грудкой, – снова уткнувшись в ноутбук, ответил Барсов. Равнодушный, холодный, как айсберг. Наверно, поэтому он не считает нужным как-то подчеркивать свой статус. Льву не нужно никому доказывать, что он лев.

А вот его львица скорей всего родилась какой-нибудь гиеной и только потом преобразилась. Она весь вечер гоняла меня по хозяйству. Это принеси, это унеси. Спасибо, не заставила прислуживать за столом. И то, потому что Арсений

велел выгулять Герца и идти к себе.

Возвращаясь с прогулки, я не удержалась и краем глаза заглянула в столовую. Вздохнула, как Золушка, заглянувшая в окошко королевского дворца и увидевшая настоящий бал. Но, чтоб не гневить Судьбу, тут же поблагодарила ее за приют и такую работу, которую и работой нельзя назвать.

Чистя зубы, я скорчила в зеркало моську, подражая «Лане Викторовне»:

– «Далеко не все могут оценить тонкое сочетание вкусов»

Бе-е-бе-бе! Кукла-выпендрейница. Ели мы вашу фуагру!

Чувство невероятного парения заполнило мою душу. Я одна в этом потрясающем доме. Барби уехала еще вечером, а Арсений настолько рано утром, что я и не слышала, хотя сплю очень чутко. Я могу, покормив Герца и выгуляв его, спокойно рассмотреть все здесь. Могу лежать на диване. Могу сидеть с чашкой чая в беседке. Могу взять книгу из библиотеки и читать.

От переполнявшей меня радости я запела, чуть не испугав Герца, который нетерпеливо сидел рядом и внимательно наблюдал. Надеюсь, его не терзали сомнения в том, что некачественно «умыл» меня!

Ну раз я одна, значит, никого не шокирует мой «спальный» вид. Сначала накормлю зверя, а потом переоденусь. Я одернула футболку, едва-едва прикрывавшую попу, и понеслась на кухню.

Может, и не надо было отказываться от барских одежек? И не вышла бы мне боком моя разборчивость...

Пока мы бегали с Герцем на площадке, сгустились тучи, и неожиданно с неба вывалилась на нас целая тонна воды. И то, что мы умеем быстро бегать, никак не помогло. Спортивный костюм мгновенно промок, как и кроссовки. Зверюга тоже не обрадовался.

Мокрые, взъерошенные, мы ввалились в дом. Первым делом я вымыла Герцу лапы и всего самого, вытерла большим полотенцем. И только тогда стащила с себя мокрую одежду, засунула в стиралку и влезла под горячий душ.

Маленькое приключение не могло испортить настроения, а наоборот, придало какой-то драйв.

Переодевшись в свою единственную футболку, я решила пощеголять в ней, пока не постирается костюм со спортивной майкой. Сохнуть им после этого совсем ничего.

Опять в голову вернулась детская песенка, которая было выветрилась, пока мы убегали от дождя.

«Вместе весело шагать по просторам,
по просторам, по просторам.

И конечно, припевать

Лучше хором, лучше хором,

Лучше хором»

И я позволила ей быть не только в моей голове. Жизнеутверждающе горланя, сделала себе бутерброд и уже собралась налить чай, как меня словно пригвоздили на месте.

– Весело, тебе смотрю тут, – раздался мужской голос, от которого мурашки побежали по телу.

Я развернулась, осознала, что стою почти в neglige и рванула было в комнату.

– Стоять!

Глава 7

Я замерла на месте. С одной стороны, если Герц пропустил его в дом и даже не гавкнул, значит, это свой человек. Но отчего-то от взгляда этого «своего человека» подкашивались ноги.

– Вы кто? – из пересохшего от испуга горла вышел только шепот.

– Вопросы здесь задаю я. – Припечатал незнакомец. Очевидно, он работает на Барсова. Но почему меня никто не предупредил, что вот так вот могут нагрять гости.

– Задавайте, только я сначала оденусь, – снова рыпнулась я.

– Не вижу надобности в этом. Искренность ответов не зависит от наличия одежды.

Ага, полицай чертов! Еще как зависит! Без одежды человек беззащитен совсем. А он, и вправду, как полицай. Черный спортивный костюм словно облепил его литую фигуру. Накачанный, подтянутый, он напоминал хищную пантеру. Таким же хищным, цепким был и взгляд из-под слегка нависших век. И эти веки придавали ему сходство с каким-то янычаром. Бритая наголо голова и чувственные, даже, как мне показалось, порочные губы, исходящая от него энергетика – говорили о переизбытке тестостерона.

Я хоть не большой специалист в таких делах, но читала об этом.

Карусель мыслей, пронесшихся в голове, резко встала, потому что мне реально стало страшно.

– Итак, кто ты?

– Я Варвара. Нянька Герца и домработница. Зачем вы спрашиваете? Вы же знаете, раз вошли сюда, как свой! – пытаюсь сохранить остатки самообладания, но голос предательски дрожит.

– Это я знаю. А теперь хочу знать, откуда ты сбежала. Почему не учишься? Где семья?

– Я уже сказала Арсению Вячеславовичу, что жила в Мичуринске, бабушка умерла, и учиться не на что. С работой в провинции плохо. Вот я сюда и приехала. И жилье есть, и еда, и зарплата, – проблеяла я сто раз прокрученную в голове версию.

– Где родители? – мужчина навис надо мной, буквально загнал в клетку, уперевшись обеими руками о стену у меня над головой. От его запаха, какого-то по-настоящему звериного, у меня чуть не закружилась голова.

– У меня нет родителей! – от испуга я уже всхлипнула, но на него это не произвело ровно никакого впечатления. Наоборот, его ноздри начали жадно раздуваться, как у готового к нападению хищника. Он, несомненно, получал удовольствие от осознания своей силы и моей беспомощности.

– Почему ты на учете в психдиспансере состоишь? Говори

правду!

Теперь мне стало совсем плохо. В голове шумело так, что я боялась потерять сознание. Раз он и об этом знает, значит, мне скоро понадобится другое убежище. Хорошо, если до приезда Арсения разрешат побыть.

Но оказалось, что это не самое страшное.

– Хотя, если честно, меня это мало волнует. Работу выполняешь, и ладно. И ты хорошенькая. Пугливая, робкая.

От неожиданной смены темы я совсем растерялась, а этот гад схватил меня за грудь, даже лифчиком не защищенную, и больно, по-хозяйски, сдавил.

От страха и накотившей ярости, я изловчилась и, влепив ему пощечину, поднырнула под его руки. Только добежать до ванной! Вот когда большой дом – это не благо...

Однако этот мерзавец тоже, видать, не пончиками набивал брюхо, а качался в спортзале.

– Стой, дрянь маленькая! Хуже будет!

Сбросив с себя оцепенение, я, наконец, обрела голос.

– Уйдите отсюда!!! – закричала я на бегу, отчаянно надеясь добежать до спасительной двери. Но не успела. Только я схватилась за ручку, как сильная рука больно дернула меня за волосы.

– Хочешь в ванной?! Так даже интересней!

Получив жесткую подсечку, я рухнула на колени и отчаянно зарыдала.

– Р-р-р!

Сквозь пелену слез я увидела прямо перед собой мокрый нос Герца.

– Герц, место! – скомандовал преследователь, но мой любимчик вместо того, чтоб подчиниться команде, рыкнул еще суровей и вынудил мерзавца выпустить мои волосы.

– Место, я сказал! – в голосе мужчины сквознула ненависть, и Герц, не долго думая, решил ответить взаимностью. Молниеносно он сцепил зубы на его причинном месте.

Надменное, как у хозяина положения, выражение лица быстренько испарилось. Ехидная, наглая улыбочка присползла, и он, сообразив, что только я могу вызволить его нежное хозяйство из капкана, растерянно заморгал глазами.

Шумно сглотнув тяжелый ком, он прохрипел.

– Убери собаку. Нам есть, что обсудить.

– Герц, фу! – с наслаждением выдохнула я. Как здорово, что сейчас этот здоровый бугай называется просто и емко «фу!»

Пес тут же послушно разжал челюсти, но далеко не отходил, непрозрачно намекая пришельцу: «Ну, ты меня понял?!»

Это было так восхитительно! Я давно забыла, что такое забота и защита. Смерть дедушки словно разделила мою жизнь на «до» и «после». И в этом «До» осталось все хорошее. Беззаботная жизнь, уверенность в завтрашнем дне, родной человек. А сейчас Герц одним движением показал, что у меня есть настоящий друг, который сразу же придет на

помощь.

При другом раскладе я бы сейчас расчувствовалась, но передо мной стоял этот опасный человек, угрожавший разрушить мою еще не начавшуюся новую жизнь.

– Сейчас оденусь, и обсудим.

Я развернулась и, с виду спокойно, пытаюсь сдерживать сотрясающую меня дрожь, направилась в свою комнату. Захлопнув дверь и убедившись, что присутствие Герца гарантирует мне безопасность, я выдохнула. Хотя жгучее желание забаррикадироваться и не высовывать носа, пока он не уйдет, никуда не делось.

Однако, чем дольше я буду оттягивать разговор, тем дольше и он будет торчать здесь. Отругав себя за малодушие, я натянула джинсы с толстовкой и, словно в ледяную купель, шагнула за дверь.

Ну, конечно! Меня и не удивило то, что непрошенный гость вел себя, как хозяин. Достав из бара виски, он затребовал бокалы.

И от этого стало еще страшней. Если он трезвый такой, то чего ожидать от пьяного? И к тому же он на машине. Неужели планирует остаться здесь на ночь?!

От этой мысли меня передернуло, но мерзкий захватчик, словно прочитав мои мысли, опередил незаданный вопрос.

– Два бокала неси. Нам предстоит поближе узнать друг друга.

– Я не собираюсь узнавать вас. И была бы счастлива, если бы в отсутствие Арсения вы здесь не появлялись. Вы так и не представились.

– А ты, девочка, не борзеешь?! Я правая рука Арсения. Олег Викторович. Начальник охраны. А ты соплюшка, которая по щелчку моих пальцев вылетит отсюда. И радуйся, если не назад в психушку, – вальяжно развалившись в кресле, он попытался морально задавить меня.

Однако дух упрямства, за который меня ненавидели мать и ее «муженек», никуда не делся. И понимая, что сильно рискую, я все равно не могла не ответить.

– Меня не за что в психушку. Я здоровая и адекватная. А то, что состою на учете, это паршивое стечение обстоятельств. И не вы меня сюда нанимали, а Арсений Вячеславович. И вы не имеете права меня уволить, – выпалила я, едва усмиряя колотящееся сердце. Ясно теперь, почему у него ключи есть и от ворот, и от дома, и почему Герц даже ухом не повел, когда он вошел.

– Не за что, говоришь? – Он усмехнулся, отчего его и так прячущиеся глаза вообще превратились в щелочки. – Еще Иосиф Виссарионович говорил : «Был бы человек, а статья найдется!»

– А это и не он говорил! Эту фразу приписывают и Берия, и прокурору Вышинскому! – снова не удержалась я и щедрым мазком добавила еще одну причину быть ко мне недоброжелательным.

– Да кто бы ни сказал, ты должна понимать, что в ней вся соль нашего общества! Стоит мне захотеть, и тебя превратят в овощ, сопля ты малолетняя!

«Варенька, никогда никого не обзывай! Это будет означать, что ты выходишь из себя, а значит, ты не права», – так учил меня дедуля. Золотые слова. И я вижу это на примере этого противного мужика. Естественно, он не прав, и он выходит из себя. Вернее, это я его вывожу. И то, что я на ровном месте наживаю себе врага, тоже ясно, как белый день. Как сладкая вата. Одна голая палочка, и в несколько движений она обрастает огромным коконом. Отчаянно умоляю себя заткнуть свое чувство справедливости куда подальше. Прикрываю на мгновение глаза и прошу дедулю помочь советом.

«Ну пожалуйста! Пожалуйста!»

И бинго! «Никогда не играйте в шахматы с голубем! Он разбрасает фигуры, нагадит на доску и полетит рассказывать всем, как вас уделал!»

Это же моя ситуация! Что бы я ни сказала, для него я сопля мелкая, которую в любом случае нужно прижать к ногтю, не считаясь ни с какими доводами, не пытаюсь выяснить истину. Варенька, перестань спорить!!!

Я опускаю голову и выдыхаю.

– Олег Викторович! Я не сделала ничего плохого. Пожалуйста, не будьте ко мне жестоки! Я хочу здесь работать.

Ничего не отразилось на непроницаемом лице моего

противника.

– Ты думаешь, я по своей инициативе притащился из города сюда? Меня попросил Арсений протестировать тебя, выяснить, что ты за фрукт. Так что есть два варианта развития событий. Я сообщаю, что ты неадекватна, и тебя выгоняют. Или говорю, что ты вполне нормальная. Понимаешь?

Я понимала. Как догадалась и о том, от чего будет зависеть содержание его доклада Арсению.

Хотя в голове не укладывалось. Неужели Арсений дал добро на такое тестирование?! Что-то очень болезненно цапнуло мою душу, в которой работодатель уже получил статус полубога. На вид суровый, холодный, но у него есть чувство юмора, есть Герц... и тут же пришлось вылить виртуальный ушат холодной воды. И у него есть жена! Господи, куда меня несет в мыслях?! Сейчас над моим благополучием нависла тяжелая, свинцовая туча, и нужно что-то срочно придумать. Я лихорадочно соображала, как быть. Прикинуться мертвым опоссумом, чтоб этот хищник побрезговал? Поверит? Нет? Но попытаться стоит!

– Ну вы же видите, что я вполне нормальная, значит, и Арсению это сообщите! Так же? – я включила наивную простоту и мысленно скрестила пальцы на удачу.

– Не так же. Вот в чем дело, куколка. Я застал тебя в очень пикантном виде. То есть ты меня хотела соблазнить.

От возмущения я, как рыба, выброшенная на берег, хватнула воздух и чуть не забыла, как дышать.

– Нет же! – вместо громкого протеста, у меня получилось лишь какое-то шипение.

– Хотела меня соблазнить, – как нерадивой ученице, повторил он, словно не заметив моей реакции. – И когда я проявил нормальные мужские чувства, ты мне залепила щеку. Мне?! Если бы я умел прощать такие вещи, то до сих пор работал бы санитаром. Мое правило – доводить дело до конца. Надо же, как-то двусмысленно прозвучало! И в этом суть. Либо ты будешь ублажать меня, пока мне не надоест. Либо я говорю, что сделал запрос, и выяснилось, что ты сбегала из «дурки» и тебя разыскивают.

Мне показалось, что меня схватили за голову и сунули в воду – кровь набатом билась в висках, звуки его голоса были приглушенными, какими-то растянутыми. А мозг отказывался верить. И уши тоже.

– Вы это серьезно? – я ошалело уставилась на него. Ладно, отчим. Придурок тот еще! Но человек на службе?!

– А я что, на клоуна похож? – он добавил металла в голос, и это заставило меня собраться. Но получилось плохо.

– А я, что, похожа на доступную девушку? – мне бы еще поторговаться, качественней вжиться в роль дохлого опоссума, но мой язык, подгоняемый стрессом, уже забежал вперед здравого смысла.

– Ты мне даже нравишься. Девятнадцать лет. На вид нимфетка, а характерец есть.

– А в детдоме без характера заключают! Поэтому не надо

меня шантажировать. Арсений приедет, и я все ему сама расскажу. Он справедливый, – опять меня понесло.

– Фемида тоже справедливая. А ты в это веришь?

Вот так просто, одной фразой он меня отрезвил. И Фемида справедливая, и общество справедливое, и люди... Именно поэтому я не имею крыши над головой и вынуждена была чуть ли не в ногах ползать, чтоб Барсов меня взял. Барсов!

– Арсений Вячеславович во мне заинтересован, потому что Герц не каждого к себе подпускает! И что бы вы ни говорили – он хороший, потому что любит животных. И они его любят, – словно козырь из рукава, выкрикнула я последний довод в свою защиту.

– Ты тут мне про Берию, про Вышинского рассказывала. Историю учила в школе, да?

Я подозрительно покосилась – он решил со мной поиграть в кошки–мышки? Создает иллюзию диалога?

– Дедушка рассказывал, – буркнула я.

– Так должна знать, что эсэсовцы были очень хорошими людьми. Держали животных, трогательно ухаживали за комнатными растениями и слушали классическую музыку. И вагонами отправляли людей в крематории.

Я вздрогнула. Дедушка и об этом рассказывал. Но сравнивать Арсения с гестаповцами? Мне стало за него обидно. Какую же сволочь неблагодарную он пригрел!

– Как вам не стыдно?! Вы же его правая рука, он вам до-

веряет, а вы за спиной у него говорите гадости и делаете подлости!

Но с его лысины, как с гуся вода, стекали все обвинения, не доставляя никакого дискомфорта.

– Я работаю на совесть. И муха без моего ведома не пролетит. За это получаю деньги. А моя личная жизнь к работе не имеет никакого отношения. Так что подумай своей глупенькой головкой, чьему слову он поверит? Слову человека, который служит ему, как пес, или слову бездомной бродяжки?

Он сделал несколько жадных глотков прямо из горла бутылки и со злостью поставил ее на столик.

– Так что думай. У меня таких, как ты, вагон и маленькая тележка. А тебе такую работу больше не найти.

Глава 8

Он вперил в меня свой тяжелый, подавляющий, подминающий взгляд, и я снова почувствовала, как подгибаются ноги, как пересыхает горло и сердце словно забывает привычный ритм.

От страха и обиды меня по-настоящему штормило. На глазах уже закипали слезы, но я понимала, что сейчас никак нельзя плакать. Иначе он воспримет это как свою окончательную победу и продолжит давить и запугивать. А я и так, как пуганая ворона, которая куста боится. Из меня, как апельсины из порвавшегося пакета, вывалились и раскатились по углам все навыки самоконтроля, оставив один на один с паническим страхом. Как загипнотизированный удавом кролик, я испуганно тарасилась на него, не в силах отвести взгляд, и отчаянно умоляла себя: «Только не заплачь! Только не заплачь!»

Неосознанно я переплела пальцы, сжав их до хруста, и тут же вспомнила, что это и есть один из приемов, помогающий удержаться от слез в критической ситуации. И чтобы закрепить маленькую победу, заставила себя умножать в уме числа. Мозг, получив новую задачу, переключился, и я смогла опустить глаза и выдохнуть.

– Мне Герца нужно кормить, – с трудом выдавила из себя и, боясь, что ставшие ватными ноги сейчас заплетутся крен-

делем, я медленно развернулась и пошла на кухню.

Очевидно, я была права, когда сравнила его с янычаром. Наглый, безжалостный, признающий только силу. И опять же – менталитет падишаха или султана: «Молчи, женщина!»

А я для него и не женщина даже, так сиюминутная прихоть, ситуативный каприз, который позволил себе взбрыкнуть. Вот и как тут не поверить бабе Кате, которая без устали гундосила "Если много радости, потом много печали будет!" и "За счастье расплачиваться нужно". Вот и мне, наверно так. Папа и дедушка были настолько совершенны, что теперь Судьба подбрасывает мне одного оторозка за другим. .

А этот просто упивается тем, что загнал в угол беззащитную девчонку. Но по-твоему все равно не будет! Я упрямо сжала губы. Не будет!

Хотя он меня, конечно, не услышал. Следом за мной зашёл на кухню, как у себя дома, открыл холодильник и критически осмотрел полки. Достал нарезку ветчины и опять придавил меня своим взглядом.

Отправил в рот ломтик, и я поняла его посыл – проглочу точно так же!

Неужели человеку доставляет удовольствие вот так издеваться?! А кто-то ещё про фашистов распинался?! Просто фашист! Так его ещё и животные не любят!

Я вспомнила, что когда-то читала про опыт. Овечку привязали рядом с клеткой, в которой был волк. И она вскоре умерла от постоянного страха и нервного истощения. На-

верно, так бы случилось и со мной – я была той самой овечкой, у которой душа трепыхается в пятках, но на мое счастье, этому волку кто-то позвонил.

Он громко выматерился, швырнул ветчину на стол и развернулся, чтоб уйти.

И конечно, не просто уйти. Сделав шаг, он больно схватил меня за подбородок и потянул его вверх, вынудив подняться на цыпочки.

Второй рукой сжал губы, сделав из них унижительную уточку.

Я отчаянно дернулась, но это было все равно, что вырваться из лап медведя. Получив в ответ лишь хищную ухмылку, опять почувствовала дурноту.

– Я на днях заеду.

Он отпустил меня так резко, что я чуть не упала. И только когда хлопнула входная дверь, я отмерла.

Лишившись последних сил, я поплелась к Герцу, лежавшему на любимом месте и опустила на колени.

– Зверюга! – я потрепала его по лоснящейся шкуре. – Ты можешь защитить, когда угрожает опасность, когда я зову на помощь. Но перед шантажом ты бессилен.

Уловив отчаяние в моем голосе, он оторвал свою аристократическую задницу от лежанки и уселся рядом со мной. Словно понимая, о чем речь, снова со всей своей собачьей щедростью облизал меня. Зашкаливавшее напряжение отступило, превратив меня в выпотрошенную тряпичную кук-

лу. Без сил, без мыслей, без надежды. Опять, как пророчество злой ведьмы, в голове зазвучали слова бабы Кати, по сути такой же несчастной, как и я. "Кто родился несчастливым, так всю жизнь и будет маяться "

Сначала я с ней спорила, пыталась доказать, что она не права... Но в такие вот минуты со дна души поднимается вся мусть, все дурное, что хотела бы забыть и стереть из памяти. И оно лишает надежды и желания сопротивляться. Куда я пойду? Даже если мне и заплатят за эти несколько дней, все равно не хватит, чтобы где-то обустроиться.

Накатила тоскливая безысходность. И память, словно, чтоб окончательно добить меня, как в грязную вонючую лужу, макает в воспоминания.

С самого начала, как только я познакомилась с родственниками, о существовании которых не имела ни малейшего понятия, я знала, что хорошего от них ждать не придется. Но то, что этот упырь, который пафосно заявил, что заменит мне отца, окажется стопроцентным подонком, было для меня настоящим шоком. Я запрещала себе вспоминать о нем, придумывая себе разные "наказания", если сделаю это. Совершенно детский способ защититься, но он работал. "Если начну думать о том, что произошло, пусть у меня появятся прыщи, лысина на голове, глаз косить будет и так далее". И как только я вспоминала, сразу же начинала или считать по-английски в обратном порядке, или таблицу умножения озвучивать. Помогало. А сейчас вся моя за-

щитная броня прохудилась, и я признала то, что категорически не хотела признавать. Я ошибка природы, генетический сбой, притягивающий к себе несчастья.

На меня словно темная тяжелая пелена упала, придавив осознанием безысходности. За что это со мной? Словно в черно-белом кино, замелькали перед глазами кадры недалекого прошлого.

Я только приняла душ после пробежки, надела халат и пошла на кухню, чтоб найти что-нибудь съедобное.

– Проголодалась, спортсменка? – с интонациями лисы, которая попросила колобка повторить свою песенку, спросил отчим, который обычно не утруждал себя ранними подъемами. Регина унеслась хлопотать о моем наследстве, и мы оказались вдвоем.

Но мне и в голову не могло прийти, чем может это обернуться.

– Да, – я не собиралась вступать с ним в диалог, но ему это и не нужно было. Как кот, увидевший бесхозную сосиску, он ухмыльнулся и потянул ко мне свою наглую лапу, чтоб потрогать мои ещё не до конца просохшие волосы.

– Какие мягкие, шелковистые. Так и хочется поиграть ими.

Я недоуменно отпрянула.

– Я думаю, вам стоит найти себе другие игрушки.

– Ты уже не маленькая, должна понимать, о каких игрушках идёт речь, – меня передернуло от его сальной улыбочки.

Я, действительно, уже не маленькая и понимаю, к чему ведут такие разговоры. Не первый раз слышу подобное. Но сейчас я просто не верила, что это серьезно. Это же почти муж моей матери! Какого черта? Может, проверяет на вшивость? Думает дождаться, пока я начну улыбаться и рассказать Регине?! Рассорить?! Бред. Мы и так с ней, как соседи по коммуналке. Хотя и там отношения бывают теплей. Я не обольщаюсь на ее счёт, и фальшивое сюсюкание меня не пронирает.

Пока я прокручивала в голове варианты: "Что бы это значило?", ответ оглушил меня, как обухом по голове.

– Ты ж не будешь ломаться? Взрослая девочка, и наверняка уже тебя не раз лапали. Так лучше я тебя научу всему, чем прыщавые сосунки, которые только и могут, что облюндривать. Так от них еще и залететь можно. А я чужого ублюдка не потерплю, выгоню вместе с ним на улицу. Так что давай любовно все сделаем.

Я забыла, как дышать. Мне показалось, что в кровь залили какой-то анестетик, лишив меня способности двигаться, соображать и вообще как-то реагировать. Я застыла от потрясения. Какой угодно подлости можно ожидать от людей, но не такого.

Однако долго находиться в состоянии анабиоза мне не пришлось. Тот, кто обещал заменить мне отца, решил, что объяснил все доходчиво и перешел к делу. Чуть ли не остекленевшими от шока глазами я просто фиксировала, как

он надвигается на меня. И до последнего не верила, что это не кошмар и что я не сплю.

И только когда мне в нос ударил его запах – запах похотливого самца, а его руки задрали мой халатик и принялись нагло шарить у меня в трусиках, я отмерла – мгновенно, будто мне сунули под нос ватку с нашатырем.

– Убери свои лапы, урод! Иначе закричу так, что стекла в доме полопаются! – зашипела я, забыв о том, что обращалась к нему всегда на «вы».

– Гланды зря не надрывай! Дома никого нет. Даром я тебя кормлю, что ли?!

Я дернулась и умудрилась выскользнуть из его мерзких щупалец.

– Я сказала – не смей меня трогать! Ты ослеп, что ли?! Не видишь, кто перед тобой?!

– Наоборот, прозрел! Ты хорошенькая сладкая девочка, которая будет со мной. Иначе сильно пожалеет.

От приторной сладости в его голосе меня чуть не стошнило, а угроза подействовала, как удар плетью.

Я попятилась и, наткнувшись на стену спиной, поняла, что этот ублюдок сейчас меня просто подомнет, и ему плевать на то, что я биологическая дочь его гражданской жены, на то, что я девственница. А потом будет брать, когда захочет, ведь мне уйти некуда. Разве что..

Глядя с ненавистью в масляные глазки отчима, я дотянулась рукой до стеклянной вазы, стоявшей на полке.

– Уйди! – с ненавистью выкрикнула я.

– Глупая! Ты думаешь, я позволю себя огреть по башке этой керамикой? И только попробуй! Я тебе покажу небо в алмазах!

В отчаянном желании защитить себя и свое достоинство я мгновенно стукнула вазой о стену и острым осколком полоснула по своему запястью.

Но по большому счету я не герой. От пережитого стресса, от боли и вида крови я потеряла сознание.

Глава 9

Очнулась, наверно, еще в худшем кошмаре. Отчим орал в трубку, как резаный. Очевидно, излагая Регине свою версию произошедшего. Рука у меня была перевязана, голова гудела, наверно, я приложилась ею о плиточный пол.

– Очухалась, паршивка?! Тебе это даром не пройдет! – плевался ядом молью травленный ловелас.

– К сожалению, у меня нет денег, я бы заплатила, только б быть подальше отсюда, – зло буркнула я.

– А вот это я тебе гарантирую, – в его тараканьих глазках сверкнул такой огонь торжества, будто он в одиночку победил мафию. – И не вздумай обвинять меня! Если заикнешься, что я тебя, идиотку малолетнюю, хотел научить взрослым штукам, я скажу, что это ты меня домогалась и угрожала покончить с собой, если я не соглашусь стать твоим любовником.

Несмотря на шум в голове, до сознания дошла его информация быстро и без потерь. От одной мысли, что я могла б предлагать этому борову себя, меня чуть не стошнило. Ситуация была настолько унижительной, что я даже не могла себе представить, как кому-то смогу сказать, что этот упырь меня домогался. Забыть поскорей, как страшный сон, и никогда не вспоминать. Получить побыстрее хоть какую-то долю наследства и раз и навсегда стереть из памяти, что у меня

есть родственники. Пусть уже все Регина выясняет поскорей. Сиротой я не сравнить, насколько комфортней себя чувствовала.

– Никому я не собираюсь ничего говорить.

Мне очень трудно сдерживать эмоции, поэтому все, что я о нем думала, тут же отразилось на лице брезгливой миной.

– Кривись, кривись! – злорадно процедил он. – Недолго осталось.

Я подозрительно покосилась и начала потихоньку подниматься. Однако не успела. Раздалась соловьиная трель звонка, хлопнула входная дверь, и я застыла в испуге, хотя казалось, что сильнее того страха, который испытала, уже не бывает. Здоровая тетка в белом халате и с таким лицом, будто за дверью лимон смячила, надвигалась на меня, как цунами.

– А что это постадавшая на полу лежит? Перенесите на диван, – грозно скомандовала она.

– Сейчас-сейчас! Я боялся тревожить до приезда скорой. Кое-как перевязал, чтоб кровью не истекла, – начал источать елей отчим. Но только он наклонился, чтоб взять меня на руки, я резвым поросенком подхватила и рванула в комнату. Но наверно, крови потеряла изрядно, потому что голова закружилась и я прислонилась к стенке.

Докторша, как раненого бойца с поля боя, подхватила меня подмышки и дотащила до дивана. Потом перевязала руку уже как следует и, чтоб жизнь медом не казалась,

всадила мне болючий укол в плечо. Показалась, что на меня свалилась тяжелая бетонная плита – я не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. И даже пальцы казались не моими. В голове снова появился туман, но он был каким-то приятным, обволакивающим сознание и успокаивающим.

– Я должна сообщить в полицию. Возможно, что-то спровоцировало этот поступок.

– Ну что могло спровоцировать?! У Вареньки своя комната, холодильник всегда полный. Интернет есть. Что еще в ее возрасте нужно?! Скорей всего, это травмы прошлого вылезают. Мы с женой взяли ее из детдома. Бедняжка! Там так настрадалась, что никак забыть не может.

– Сегодня пусть отлежится, а завтра обязательно на прием к специалисту. Я сделала укол, она поспит. Потом придут из полиции. Объясните, что и как.

Докторша поплыла к выходу и чуть не столкнулась с Региной, которая, как на помеле, влетела в квартиру.

Я лежала с закрытыми глазами, чтоб только не привлекать внимание. В сон клонило, но пережитый стресс, очевидно, тормозил действие лекарства, поэтому я слышала все, что происходило.

Раздался звук оглушительной затрешины и сразу же визг, переходящий в ультразвук.

– Ты тварь паршивая! Это из-за тебя! На молоденьких потянуло?! Забыл, откуда я тебя вытащила? Да я тебя порву на мелкие кусочки! Ты подонок, ничтожество!

– Угомонись. Я это сделал, чтоб получить наследство. Сейчас ее поставят на учет, а потом признают недееспособной. И соответственно, ты будешь опекуншей, а я твоим мужем. А ты орешь, как потерпевшая. Если не уймешься, я скажу в полиции, что эта обезьяна случайно поранилась. И ей выгодно будет это подтвердить.

– Ты говоришь о моей дочери, вообще-то, а не об обезьяне!

– То есть то, что я хотел ее продегустировать, тебя уже не волнует? И правильно! Ты же знаешь, что люблю я только тебя! – уже спокойно, будто речь шла о покупке картошки, резюмировал он.

Маман заткнулась, будто разом растеряв весь свой пыл. Я хоть и не рассчитывала, что являюсь для нее чем-то важным, но меня сильно покорибила ее истерика по поводу возможной измены сожителя с молоденькой. Ее, как всегда, волновала только она сама, а то, что это ее дочь чуть не «продегустировали», ей по фигу. Как всегда. Черт, как же можно хорошему и приятному слову придать такое мерзкое значение... Дегустатор...

Тут я отключилась. То ли лекарство подействовало, то ли мозг отказался дальше слушать эту мерзость. Хотя чем лекарственный сон отличается от обычного, я не знаю. Мне снился кошмар, в котором я оказалась в заброшенном городе, где царят зомби. Они рыскали везде, выискивая чудом уцелевших людей. И только я спряталась в надежном, как

мне показалось, убежище, как Регина, вроде еще человек, меня нашла. И по ее змеиной улыбке я обреченно поняла, что она меня выдаст. Почему она не боялась за себя, не знаю, очевидно, таким дерьмом и зомби брезгают.

До ее появления в моей жизни я знала только одно – мама не может быть со мной рядом, у нее очень серьезные обстоятельства. Это со слов дедули. А поскольку он никогда никого не поливал грязью, то мне оставалось лишь гадать, что же скрывалось за этими обстоятельствами.

И только баба Катя, не страдавшая излишней деликатностью, открыла мне глаза на свою дочь.

"Прошмандовка моя Галька! Настоящая прошмандовка! Вишь, мать ей плохое имя дала! Регина она теперь! Артистка Погорелого театра!"

О том, какую заразу неблагодарную она вырастила, баба Катя готова была говорить часами. Попутно жалея меня, сиротинушку горемычную.

«– Мать твоя уродилась редкой стервозиной. Всегда хотела быть артисткой. Хотелось ей цветов, славы, поклонников. В школе всегда первая на сцене. Но ехать в Москву и там учиться, я ей запретила. Денег дать я ей не могла. Десяток яиц да ведро картошки? Так она б и не взяла. Да и знаю, как там артистками становятся. Все через койку. Правда, тут она молодец. Перед мужиками хвостом крутила, а к телу не допускала. А они-то на нее, как мухи на мед летели. Смазливая гадина. Вот ты вся в нее.

Неудавшаяся жизнь сделала из бабы Кати полумегеру. Вроде и заботливая, и соседкам на помощь кидается, и меня приняла. Но и не упускала случая, чтоб не попрекнуть меня матерью. И вот как расценивать, что я в нее? По какому параметру? Смазливая или гадина?! Но я не уточняла, не желая лишать бабулю самого доступного удовольствия – склонять по чем попало свою дочь.

« – Да только Галька не из целомудрия себя берегла, а чтоб выгодно выйти замуж. Охомутать так, чтоб не сорвался. Ну прикинуться святой невинностью она умела. Одно слово – артистка!

Как только ей в школе собирались ставить двойку, она целую комедию ломала. Слезки на глазах, губки дрожат, в ручках платочек комкает... ну чисто судьба рушится! И так с четверками – пятерками аттестат и получила, хоть учиться и не училась.

И тут выпадает ей козырная карта! Приехал в военный городок наш в командировку с инспекцией молодой подполковник. Красивый, статный. Сурьезный такой. Квартира в Москве. Отец генерал в Ленинграде, значит. Это Гальке на хвосте, как сорока, все новости принесла соседка наша, она кастаньяншей в казарме работает. Так моя пронира устроилась на полставки в клуб офицеров, пока там организаторша в декрет собралась.

И спекся наш проверяющий. Невинные глазки, ладная фигурка, щечки с ямочками – чистый ангелочек! Забрал он

ее с собой. Ох, и хороший у тебя отец же был! Принес мне цветы, коробку конфет, деликатесов полный пакет. И говорит: «Катерина Матвеевна! Прошу руки вашей дочери!» Я всплакнула от счастья, благословила. Но, видать, бесовщина в моей Гальке сидит. Она ехала в Москву, чтоб как сыр в масле кататься, а муж-то там и не живет! Его по всей стране посылают с инспекцией. И на Север, и на Дальний восток, медведей пугать. И эта стерва категорически отказалась колесить за ним. А он ей в ответку – зачем ехала со мной? И покатилося. Дошло до развода.

Галька поняла, что маху дала. Квартиру не отсудишь – служебная. Генеральскую в Ленинграде тоже не откусить, ну и ушла, вытребовав подъемные на первое время. А отец твой, видать благородная кровь, не отказал. Давал ей денег. А потом выяснилось, что ушла-то беременная и очухалась, когда уже четвертый месяц был. Кинулась на аборт – не берут. Так и родила тебя. Хотела в роддоме отказаться, а Алексей, батька твой, как узнал, чуть не прибил. Забрал тебя и отвез к деду»

Что было дальше, я уже знала. Меня воспитывала няня, она же домработница, и дедуля, в свободное от службы время.

Мог ли он предположить, что его ненаглядная Варешка попадет в такой переplet?! Или предполагал? И этот пункт, по которому нельзя совершать никакие операции с моим наследством до достижения двадцати лет, это отсюда? Он опа-

сался, что его доверчивую и отзывчивую девочку могут обмануть? Обмануть нет. А вот лишить всего – это запросто.

На прием к «специалисту» меня привели практически под руки. Им оказался добродушный на вид колобок, больше похожий на повара. Ласково, как с испуганным животным, он начал беседу, делая вид, что выясняет степень моей адекватности, однако я увидела конвертик, скользнувший в его карман.

Я хорошо представляла, чем все это для меня может закончиться и, несмотря на жуткую панику, пыталась отвечать спокойно. Но две скорбных статуи, в которых превратились мои родственники, давили на психику. Я думаю, по правилам, они должны были подпирать стены за дверью. Да и сами по себе безобидные вопросы для меня были проблемными. "Хорошо ли ты спишь?", "Хороший ли у тебя аппетит?", "Какие у тебя взаимоотношения с родственниками?", "Слышишь ли ты голоса в голове?", "Какие необычные ощущения у тебя бывают, и бывают ли?"

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.